

Шауль Фридендер

ОТ АНТИСЕМИТИЗМА К УНИЧТОЖЕНИЮ:
ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ И ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

На протяжении последних десятилетий корпус исторических трудов, посвященных уничтожению евреев Европы, значительно вырос. Историки изучают корни нацистского антисемитизма и его развитие, политику нацистов по отношению к евреям, «окончательное решение» и поведение немецкого общества, нейтральных стран и союзников, церковей и западного общества в целом, а также поведение самих жертв – евреев – перед лицом растущей опасности, надвигающейся катастрофы. Исследования и публикации множатся, возникают новые исторические подходы и эволюционируют старые¹. Сегодня ясно обозначились различные исторические концепции, можно даже говорить – различные интеллектуальные школы.

Анализируя работы послевоенного периода, посвященные нацистскому антисемитизму и политике Третьего рейха по отношению к евреям (это единственный аспект проблемы, который мы рассматриваем в настоящей статье), необходимо понять, предла-

* Я хочу поблагодарить моих друзей и коллег Иехуду Бауэра, Дова Кульку, Ганса Моммзена, Дину Порат и Аарона Вайса за помощь, которую они оказывали мне на различных этапах подготовки настоящей статьи. Некоторые вопросы, затронутые здесь, освещались ранее в моих работах: Saul Friedländer, "Some Aspects of the Historical Significance of the Holocaust" // *Jerusalem Quarterly*, № 1 (Fall 1976); idem, "De l'antisémitisme à l'extermination: esquisse historiographique" // *Le débat*, № 21 (Sept. 1982); относительно раздела III см. мою вступительную статью к книге Gerald L. Fleming, *Hitler and the Final Solution* (Berkeley: University of California Press, 1984).

¹ Среди исторических работ, посвященных событию, которое мы называем сегодня Холокостом, следует отметить: Léon Poliakov, "Changing Views in Holocaust Research" // *Yad Vashem Bulletin*, № 20 (April 1967); Leni Yahil, "The Holocaust in Jewish Historiography" // *Yad Vashem Studies*, vol. VII (1968); Philip Friedman, "Heker ha-historiya shel tkufat ha-Shoa u-veayotav" // Yisrael Gutman, Livia Rothkirchen (eds.), *Shoat yehudei Eiropa: Reka – Korot – Mashmaut* (Jerusalem: Yad Vashem, 1973); Shaul Esh, "Mi-beayot ha-mehkar be-hurban yahadut Eiropa" // Shaul Esh, Dov Ben-Yizhak (eds.), *Iyunim be-heker ha-Shoah ve-yahadut zmanenu* (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1973); Yehuda Bauer, "Trends in Holocaust Research" // *Yad Vashem Studies*, vol. XII (1977); Konrad Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung der Judenverfolgung im Dritten Reich" // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, Bd. 27 (1980/81); Lucy S. Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981); Otto-Dov Kulka, "Die deutsche Geschichtsschreibung über den Nationalsozialismus und die 'Endlösung'" // *Historische Zeitschrift*, Bd. 239 (1984).

гают ли эти исследования единое и связное историческое объяснение случившегося, или рассматривают лишь отдельные аспекты событий, не стремясь к синтезу различных подходов и всестороннему анализу произошедшего. Другими словами, остается ли по-прежнему верным пятнадцатилетней давности высказывание Исаака Дойчера:

Для историка, пытающегося понять геноцид евреев, наиболее серьезным препятствием остается абсолютно уникальный характер этой катастрофы. Это вопрос не только времени и исторической перспективы. Я сомневаюсь, что даже тысячу лет спустя люди будут лучше нас понимать Гитлера, Аушвиц, Майданек и Трехлинку. Поможет ли им историческая перспектива? Возможно, как раз наоборот – наши потомки будут понимать эти события еще хуже, чем понимаем их мы сегодня².

Быть может, нам следует принять альтернативное объяснение, предложенное несколько лет назад Раймоном Ароном:

Что же касается геноцида... я полагаю, что иллюзия его иррациональности возникает в результате неверного подхода к вопросу. Гитлер многократно заявлял, особенно в первый день войны, что евреи не переживут войну, которую, по его мнению, они развязали... Если признать ликвидацию евреев, еврейского яда, дурной крови главной целью Гитлера, то индустриальная организация убийств выглядит вполне рациональным средством достижения этой цели – геноцида. Инструментальный рационализм может считаться аморальным по самой своей природе или морально нейтральным. Когда же геноцид был принят в качестве цели, материалы, рабочую силу и – прежде всего – транспортные средства, необходимые для осуществления этого плана, следовало обеспечивать за счет армии³.

² Isaac Deutscher, *The Non-Jewish Jew and Other Essays* (London: Oxford University Press, 1968), p. 163.

³ Raymond Aron, "Existe-t-il un mystère Nazi?" // *Commentaire*, № 7 (1979), p. 349. (Раймон Арон намекает на конфликт, в 1942 году дважды (в июне и в декабре) вспыхивавший в нацистском руководстве. Министерство транспорта дважды запрещало использовать железные дороги восточного направления для каких бы то ни было перевозок, не связанных с военными нуждами, – и оба раза по настоянию СС делалось исключение для депортаций евреев в лагеря уничтожения, находившиеся на востоке Польши. Немецкой армии под Сталинградом был жизненно необходим каждый вагон с боеприпасами или пополнением, однако поезда и железнодорожные пути обслуживали решение «еврейского вопроса». – Прим. ред.)

Эти две противоположные позиции неявным образом лежат в основе историографии нашего предмета. Однако более специфический анализ этой историографии должен затрагивать два различных уровня, предлагая как глобальную интерпретацию нацизма, так и интерпретацию антиеврейской политики нацистского режима (с учетом ее эволюции и внутренней динамики). Вначале мы кратко проанализируем общую картину, а затем подробно рассмотрим происхождение и развитие конкретных политических мер.

1. Антисемитизм и глобальные интерпретации нацизма

В попытках предложить глобальную интерпретацию нацизма можно выделить три основных подхода: объяснения, основанные на особенностях истории Германии; объяснения, использующие понятие «фашизм»; объяснения, рассматривающие национал-социализм как одно из проявлений тоталитаризма⁴. Все эти подходы пытаются – так или иначе, успешно или не очень – вписать нацистский антисемитизм в рамки более широкого объяснения. Рассмотрим вкратце некоторые из этих попыток.

Первая концепция объясняет нацизм прежде всего специфически немецкой национальной эволюцией (начавшейся, по мнению большинства историков, в XIX веке) и иногда ставит во главу угла немецкий антисемитизм. При этом немецкий антисемитизм и расовое – «фёлькише» (*völkische*) – мышление иногда считают отправной точкой идеологии национал-социализма⁵.

⁴ Выделяя три главных подхода, мы следуем концепции Вольфганга Зауэра: Wolfgang Sauer, "National Socialism: Totalitarianism or Fascism?" // *American Historical Review*, Dec. 1967, p. 404ff). См. также Andreas Hillgruber, *Endlich genug über Nationalsozialismus und Zweiter Weltkrieg?* (Düsseldorf: Droste, 1982), S. 24ff.

⁵ Среди исследований, подробно рассматривающих антисемитизм, а также расовое и «фёлькише» мышление, следует упомянуть следующие: Paul Massing, *Rehearsal for Destruction* (New York: Harper, 1949); Eva G. Reichmann, *Hostages of Civilization* (London: V. Gollancz, 1950); Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair* (Berkeley: University of California Press, 1961); George L. Mosse, *The Crisis of German Ideology* (New York: Grosset and Dunlap, 1964); Peter G.-J. Pulzer, *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria*, New York: J. Wiley, 1964; Léon L. Poliakov, *Histoire de l'Antisémitisme*, tome III: *De Voltaire a Wagner* (Paris: Calmann-Levy, 1968). С другой стороны, некоторые из важнейших послевоенных исторических работ, посвященных немецким корням нацизма, преуменьшают или совершенно игнорируют роль антисемитизма в немецком прошлом. Ср. прежде всего: Friedrich Meinecke, *Die deutsche Katastrophe* (Zürich:

Нацистский антисемитизм невозможно объяснить вне немецкого национального контекста: это положение не нуждается в доказательствах. Проблема, однако, заключается в оценке роли национальных корней, в оценке значимости идеологии «фёлькише» и того места, которое антисемитские взгляды и убеждения занимали в немецком обществе в эпоху императора Вильгельма или во времена Веймарской республики с одной стороны и в годы Третьего рейха – с другой. Лишь сравнительный анализ этих данных позволит увидеть возможную взаимосвязь между антиеврейской кампанией нацистов и состоянием немецкого общества в целом. Для интерпретации нацистской политики необходимо понимать корни мировоззрения Адольфа Гитлера; однако степень явной и неявной поддержки его действий, направленных против евреев, различными слоями населения тоже требует тщательной оценки. Этот аспект проблемы неразрывно связан с вопросом о национальных корнях антисемитизма и об их значимости. Существующие сегодня работы по этой важной теме могут привести нас к совершенно разным выводам.

Прежде всего, для оценки немецкого антисемитизма в конце XIX – начале XX века (вплоть до Первой мировой войны) необходимо принять во внимание недавние работы по французской истории – они продемонстрировали, что и во Франции в среде различных антиеврейских группировок были распространены весьма схожие идеи, установки и замыслы⁶. Таким образом, безусловно необходимо более тщательное изучение специфики немецкой эволюции в годы Первой мировой войны и Веймарской республики; однако все еще неясно, насколько немецкое общество тех дней было поражено антисемитизмом. Мы не располагаем систематическими исследованиями по этому вопросу, а из многочисленных работ, посвященных отдельным его аспектам, не складывается целостная картина. Так, нам известно, что в Гер-

Aero-Verlag, 1946); Gerhard Ritter, *Europa und die deutsche Frage* (München: Münchener Verlag, 1948); Hans Rothfels, *The German Opposition to Hitler* (Hinsdale: Henry Regnery, 1948); Hans Kohn, *The Mind of Germany* (New York: Ch. Scribner, 1960). Об этой проблеме см. Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians*, pp. 60–67; Kwiet, "Zur historiographischen Behandlung...", S. 149ff.

⁶ Cp. Zeev Sternhell, *La Droite révolutionnaire 1885–1914: les origines françaises du fascisme* (Paris: Éditions du Seuil, 1978); см. также idem, *Ni Droite ni Gauche: l'idéologie fasciste en France* (Paris: Éditions du Seuil, 1983).

мании в канун Первой мировой войны исчезли антисемитские партии⁷, а с началом военных действий значительно реже стали встречаться проявления антисемитизма. Но мы также знаем, что между 1916 и 1924 годом антисемитские лозунги звучали все чаще и чаще⁸. Не столь очевидны и масштабы антисемитизма в решающий период начала 30-х годов. Уильям Шеридан Аллен, рассматривая в своей работе подъем нацистского движения в маленьком городке возле Ганновера, утверждает, что антисемитизм не играл там сколько-нибудь значительной роли⁹. В других регионах, однако, ситуация выглядела иначе¹⁰. Подобные региональные различия важны для интерпретации нацистского феномена¹¹ (как мы увидим ниже, рассматривая отношение общественного мнения к евреям в Третьем рейхе)¹². Тем не менее из данных о немецком антисемитизме до 1933 года можно с известной уверенностью сделать только один вывод: крайний расистский антисемитизм в его немецком или австрийском вариантах бесспорно служил питательной средой для идеологии Гитлера и правоверных членов НСДАП¹³. При этом антиеврейской политике, проводившейся начиная с 1933 года, антисемитизм населения обе-

⁷ Richard S. Levy, *The Downfall of the Antisemitic Political Parties in Imperial Germany* (New Haven: Yale University Press, 1975).

⁸ Egmont Zechlin, *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969); Saul Friedländer, "Die politischen Veränderungen der Kriegszeit und ihre Auswirkungen auf die Judenfrage" и Werner Jochmann, "Die Ausbreitung des Antisemitismus" // Werner E. Mosse (Hg.), *Deutsches Judentum in Krieg und Revolution 1916–1923* (Tübingen: J.S.B. Mohr, 1971). О внутренних противоречиях немецкого антисемитизма на протяжении первых двух десятилетий XX века см. Donald Niewyk, *The Jews in Weimar Germany* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980); Sarah Gordon, *Hitler, Germans and the "Jewish Question"* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984), особенно первую главу.

⁹ См., например, William Sheridan Allen, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town 1930–1935* (London: Eyre & Spottiswoode, 1966), p. 77.

¹⁰ Например, в Нижней Саксонии. Ср. Jeremy Noakes, *The Nazi Party in Lower Saxony 1921–1933* (London: Oxford University Press, 1971).

¹¹ К этому выводу пришел также Р. Хемилтон в своей книге Richard F. Hamilton, *Who Voted for Hitler?* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982), pp. 606–607.

¹² См. с. 60–61 ниже.

¹³ Петер Меркль проанализировал главные идеологические установки СА и СС в 20-х годах на основании личных дел членов организаций, собранных Теодором Абелем. Анализ показал, что антисемитизм занимал четвертое по важности место, причем лишь 10,7 % членов СА и СС (или 14,9 % рядовых членов партии) указали его в качестве наиболее существенной для них установки. Ср. Peter Merkl, *The Making of a Stormtrooper* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 222.

спечивал не столько активное содействие, сколько латентную поддержку. Как мы увидим далее, некоторые историки вообще не видят неперенной связи между идеологией Гитлера и постепенным развитием нацистской антиеврейской политики вплоть до ее логического завершения. Подобная точка зрения предполагает, что корни нацистской политики по отношению к евреям лежат вне идеологии нацизма.

Часть исследований, сводящих роль специфически национальной идеологии в нацистском антисемитизме к минимуму, подчеркивают вместо этого значение традиционных социальных структур (бюрократии, армии, органов юстиции) в развитии нацистской политики. И все же функция этого традиционного элемента в эволюции антиеврейской политики обычно не получает достаточно убедительного объяснения¹⁴. Лишь немногие из глобальных интерпретаций нацизма полностью игнорируют национальные особенности антиеврейской политики нацистов, — однако оценка значимости этих национальных особенностей часто оказывается не столь проста.

Концепция, которая рассматривает гитлеровский феномен как часть более широкого явления — фашизма, по-прежнему остается наиболее распространенной обобщающей интерпретацией нацизма¹⁵. Эту концепцию приводят иногда в марксистской, иногда в немарксистской версиях, однако уникальный характер нацистского антисемитизма неизменно служит серьезным препятствием для подобного обобщения. Некоторые теоретики фашизма просто игнорируют эту проблему и в своих теориях обходят антисемитизм молчанием (за исключением нескольких дежурных упоминаний)¹⁶. Другие признают существование проблемы, но все же стараются выявить общую основу фашизма, так сказать,

¹⁴ Не всегда легко отличить «общие» характеристики социальной группы от ее специфически немецких «исторических» характеристик. Так, Рауль Хилберг подчеркивает в *The Destruction of the European Jews* (Chicago: Quadrangle Books, 1961) центральную роль, которую играл бюрократический аппарат в процессе уничтожения. Но идет ли речь о бюрократии как таковой или о специфически немецкой бюрократии, сложившейся в рамках конкретной национальной традиции?

¹⁵ Следует, однако, отметить, что само понятие «фашизм» часто подвергается критике. Ср., например, Gilbert Allardyce, "What Fascism Is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept" // *American Historical Review*, vol. 84 (April 1979), p. 367ff.

¹⁶ См. недавние исследования различных теорий фашизма, например, Wolfgang Wippermann, *Faschismustheorien: zum Stand der gegenwärtigen Diskussion* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980).

«фашистский минимум»¹⁷. Третьи пытаются найти нацистскому антисемитизму место в рамках своей общей теории.

Немарксистская теория фашизма, объясняя нацистский антисемитизм, как правило, либо выводит это явление из фундаментальных идеологических характеристик фашизма, либо объясняет его внутренней динамикой фашистских партий и режимов, либо, наконец, сравнивает его с похожим отношением к чужакам, которое было свойственно другим фашистским движениям и режимам.

Эрнст Нольте в своем фундаментальном исследовании «Трилика фашизма» предпринял наиболее последовательную попытку свести гитлеровский антисемитизм к антимарксизму как к общему идеологическому знаменателю всех фашистских движений. С точки зрения Нольте, нацистский антисемитизм был не более чем крайней формой антибольшевизма «радикальных фашистов»:

*Гитлер всегда впадал в безудержную ярость, едва речь заходила о большевизме. Он считал его наиболее радикальной из известных миру форм еврейского геноцида... Согласно книге Экхарта, Гитлер обнаружил большевизм более древний, чем большевизм Ленина, – большевизм Моисея!*¹⁸

Приводимые Нольте цитаты, впрочем, создают впечатление, что скорее ненависть Гитлера к иудейству определяла его антибольшевизм, а не наоборот.

Недавняя публикация ранних (написанных до «Майн кампф») текстов Гитлера позволяет лучше оценить взаимное соотношение его антииудаизма и антимарксизма. Евреи упоминаются в этих текстах приблизительно в три раза чаще, чем большевизм, коммунизм или марксизм¹⁹. И здесь мы возвращаемся к очевид-

¹⁷ См., например, Stanley G. Payne, *Fascism: Comparison and Definition* (Madison: University of Wisconsin Press, 1980).

¹⁸ Ernst Nolte, *Three Faces of Fascism* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1965), p. 406.

¹⁹ Ср. Eberhard Jäckel (Hg.), *Hitler: Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980). Это сравнение стало возможным благодаря чрезвычайно подробному предметному указателю, которым снабжена книга. Центральное место антисемитизма в идеологической системе и политических декларациях Гитлера в ранние годы его деятельности подтверждается целым рядом источников. Подробнее см. Helmut Auerbach, "Hitlers politische Lehrjahre und die Münchener Gesellschaft 1919–1923" // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* (далее – VfZ), Bd. 25, № 1 (1977), S. 15–16.

ному отличию национал-социализма от других типов фашизма: в нацизме антисемитизм играет центральную и совершенно особую роль. Именно против евреев, а вовсе не против марксистов были направлены как первая, так и последняя идеологические декларации Гитлера²⁰. Советский Союз и европейские коммунистические партии были временными союзниками Германии в 1939–1941 годах, идея сепаратного мира со Сталиным часто обсуждалась в конце войны, – однако Гитлер и мысли не допускал о каком бы то ни было соглашении с евреями. Наконец, мы располагаем чрезвычайно откровенным заявлением Мартина Бормана о взаимосвязи между антииудаизмом и антимакинизмом:

Национал-социалистическая доктрина является безоговорочно антиеврейской, а потому антикоммунистической и антихристианской. В национал-социализме все друг с другом связано и все нацелено на борьбу с иудейством²¹.

Обратимся теперь ко второму подходу, рассматривающему феномен нацистского антисемитизма в рамках фашизма. Расистский антисемитизм существовал в Германии с конца XIX века, однако превращение расплывчатой теории в систематическую политику требовало структурных условий, которые, по мнению, например, Ганса Моммзена, были способны создать фашистские режимы:

Недостаточно рассматривать [нацистский антисемитизм. – Ш.Ф.] как радикальный вариант [ранее существовавших тенденций. – Ш.Ф.]... Необходимо изучить структурные условия, позволившие ему подняться выше уровня пропагандистских деклараций или проявлений «дикого» радикализма²².

Моммзен объясняет эти необходимые условия структурой нацистской партии и нацистской системы. По его мнению, речь

²⁰ Первым политическим сочинением Гитлера было письмо к солдату Гемлиху о «сущности еврейского вопроса» от 16 сентября 1919 года; последним – политическое завещание, написанное 29 апреля 1945, за несколько дней до самоубийства, и посвященное по большей части опять же «еврейскому вопросу». – *Прим. ред.*

²¹ Adolf Hitler, *Libres propos sur la guerre et la paix* (Paris: Flammarion), tome II, 1954, p. 347.

²² См. статью Ганса Моммзена в сборнике *Totalitarismus und Faschismus. Eine wissenschaftliche Begriffskontroverse* (München: R. Oldenbourg, 1980), S. 63–64.

идет о структуре, типичной для фашистских партий и режимов, структуре, которая подразумевает прямые связи между различными видными функционерами и верховным лидером при нечетком разделении сфер власти, что приводит к постоянному соперничеству и внутренней борьбе, а они в свою очередь порождают процесс «кумулятивной радикализации»²³. В нацистской Германии борьба за контроль над «еврейскими делами» вызвала растущую радикализацию в этой сфере; таким образом, «окончательное решение» оказывается конечным результатом внутренней динамики фашистского режима²⁴. Ниже мы вернемся к проблемам, связанным с теорией «кумулятивной радикализации». Здесь же лишь заметим, что, даже признав существование такого процесса в недрах нацистского режима и приняв объяснение Моммзена, мы, как ни странно, не обнаружим ничего подобного в единственном кроме Германии государстве, где в полной мере укрепился фашистский режим, – в Италии. Возможно, имеет смысл говорить о «кумулятивной радикализации» в Италии вплоть до 1939 года и о «кумулятивном смягчении» (по крайней мере, внутри партии) в 1939–1943 годах, вплоть до смещения Муссолини решением Большого фашистского совета (недолговечная «республика Сало» была чисто нацистским образованием).

Наконец, предпринимались попытки сравнить нацистский антисемитизм с расизмом, который проявляли итальянские фашисты по отношению к африканцам, славянам Триеста и Фиуме (Риеки) и немцам Южного Тироля. Различия в накале ненависти объяснялись военной ситуацией²⁵. Можно, разумеется, спросить, почему Италия в таком случае не добилась в годы войны результатов, сопоставимых с немецкими. Да и целесообразность сравнения, предпринимаемого только ради сохранения единой концепции фашизма, вызывает сомнения. Карл Дитрих Брахер писал об этом:

²³ Ibid., S. 24.

²⁴ Hans Mommsen, "National Socialism; Continuity and Change" // Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1979), pp. 178–179. Автор объясняет здесь общую теорию фашизма, применяя положения функционалистского анализа нацистской политики (достаточно подробный разбор функционалистской концепции см. во второй части настоящей статьи).

²⁵ См. статью Вольфганга Шидера (Wolfgang Schieder) в сборнике *Totalitarismus und Faschismus* (München: Oldenbourg, 1980), S. 58.

*Общая теория фашизма начинает казаться весьма сомнительной, как только ей приходится объяснять эту проблему [нацистского антисемитизма и уничтожения евреев. – Ш.Ф.]... Если [итальянский] фашизм видел свою цель прежде всего в строительстве сильного государства, *Stato Totalitario*, как основы обновленной *Impero Romano*, то главной гитлеровской идеей была ведущая роль расы, расистские основания будущей империи, в создании которой сильное государство было только средством, но никак не самоцелью²⁶.*

Марксистская концепция нацизма как фашизма отводит нацистскому антисемитизму еще менее внятную роль, чем немарксистская теория фашизма. Прежде всего речь здесь часто идет о политической пропаганде, замаскированной под историографию: в некоторых советских исторических работах последних двадцати лет нацисты располагаются по ту же сторону баррикад, что и сионисты, противопоставленные их общей жертве – еврейским массам. Цели нацистов при этом не имеют никакого значения, цели же сионистов предельно ясны: содействовать уничтожению большинства евреев, чтобы незначительное меньшинство достигло берегов Палестины и создало там сионистское государство²⁷.

Покидая поле пропаганды, марксистская теория фашизма настойчиво пытается поместить нацистский расизм и даже уничтожение евреев в рамки идеологической ортодоксии. В этом контексте «окончательное решение» оказывается следствием плана немецких промышленников, получавших таким образом колоссальные прибыли (благодаря эксплуатации постоянно восполняющейся рабочей силы, конфискации еврейского имущества и т. д.). Эта позиция часто встречается в работах историков из ГДР²⁸. Ее сторонники, однако, игнорируют тот очевидный

²⁶ Karl Dietrich Bracher, "The Role of Hitler: Perspectives of Interpretation" // *Fascism: A Reader's Guide*, pp. 201–202. Об историографической дискуссии, касающейся различий между итальянским фашизмом и национал-социализмом, см. Hillgruber, *Endlich genug...*, S. 40ff.

²⁷ Об этом см., например, Dawidowicz, *The Holocaust and the Historians*, p. 68ff; Erich Goldhagen, "Der Holocaust in der Sowjetischen Propaganda und Geschichtsschreibung" // *VfZ*, Bd. 28, № 4 (1980), S. 502ff и особенно S. 504.

²⁸ Ср. Konrad Kwiet, "Historians of the German Democratic Republic on Antisemitism and Persecution" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. XXI (London: Secker & Warburg, 1976), p. 174. Работы Курта Петцольда – исключение из этого ряда: они представляют собой смесь марксистской ортодоксии и функционализма, что порождает ряд нюансов в интерпретации нацистского феномена. Ср., например, его статью Kurt Pätzold, "Von der Vertreibung zum Genozid. Zu den Ursachen, Triebkräften und Bedingungen der

факт, что уничтожение европейского еврейства лишало немецкую военную промышленность и хозяйство весьма значительной рабочей силы, а на территории Восточной Европы – жизненно необходимых предприятиям квалифицированных работников²⁹. «Окончательное решение» нанесло немецкой военной экономике серьезный ущерб, который был лишь частично компенсирован эксплуатацией рабского труда евреев и конфискацией еврейской собственности³⁰.

Другой марксистский подход изображает преследование евреев как способ, с помощью которого нацисты – то есть немецкий капитал – стремились отвлечь внимание масс от отсутствия сколь-либо значительных социальных изменений и от эндемического кризиса системы. Другими словами, антисемитизм, подобно внешней агрессии, играл чисто инструментальную роль. Однако и в этом случае марксистский тезис противоречит очевидным фактам. Сегодня уже хорошо известно, что нацистский режим привел к гораздо более серьезным социальным переменам, чем принято было считать в первые послевоенные годы³¹. Мы также знаем (и ниже покажем в подробностях), что общественное мнение принимало преследования евреев без особого энтузиазма³². Наконец, нет никакого сомнения, что завершающая фаза этой политики – уничтожение евреев – не была рассчитана на отвлечение чьего-либо внимания, поскольку ее держали в строгой тайне³³.

antijüdischen Politik des faschistischen deutschen Imperialismus" // Dietrich Eichholtz und Kurt Gossweiler (Hg.), *Faschismus – Forschung: Positionen, Probleme, Polemik* (Berlin: Akademie-Verlag, 1980), S. 180ff. См. также Kurt Pätzold, *Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung: Eine Studie zur politischen Strategie und Taktik des faschistischen deutschen Imperialismus 1933–1945* (Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975).

²⁹ Документы, свидетельствующие о безуспешных попытках вермахта – а на некотором этапе даже Главного хозяйственного управления СС (*SS Wirtschaftsverwaltungshauptamt*) – сохранить жизнь квалифицированным еврейским работникам, многочисленны и хорошо известны историкам. См., например, Enno Georg, *Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS* (Stuttgart: Deutsche Verlag, 1963), S. 58, 61, 93–97. Во всех этих случаях приказы об уничтожении, поступавшие из РСХА или лично от Гиммлера, были выполнены.

³⁰ Hilberg, *The Destruction*, p. 645.

³¹ Ср. David Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany 1933–1939* (Garden City, NY: Doubleday, 1966).

³² Ср. с. 60–61 ниже.

³³ Эти классические марксистские концепции встречаются в нескольких вариантах. Некоторые историки, например Т.У. Мэсон, косвенно используют аргумент об авто-

Третий способ глобальной интерпретации нацизма основан на теории тоталитаризма. В сущности, понятия «фашизм» и «тоталитаризм» не противоречат друг другу. Итальянский фашизм, например, с самого начала объявил себя «тоталитарным». Вместе с тем современный анализ нацизма склонен рассматривать фашизм и тоталитаризм как противоположные системы политических установок. На наш взгляд, фашизм отводит центральную роль идеологии (антимарксизму и антилиберализму), тоталитаризм же ставит на первое место средства контроля и господства как таковые. При этом противоположные идеологические системы выглядят скорее сходными, чем противоположными (сталинская Россия и нацистская Германия)³⁴.

На первый взгляд концепция тоталитаризма предлагает более удачное всеобъемлющее объяснение нацистской политики по отношению к евреям, чем, например, концепция фашизма; однако и здесь возникают трудности. Интерпретация антисемитизма нацистов в рамках концепции тоталитаризма вращается, как правило, вокруг двух основных мотивов. Первый касается природы тоталитарной системы: основанная не на идеологическом фундаменте, но на стремлении к тотальному господству над индивидуумами и группами, именно этим стремлением она руководствуется, выбирая свои жертвы и угнетая их. Ради сохранения контроля хладнокровно принимается решение об истреблении той или иной группы. Враг, которого следует уничтожить, становится функциональным элементом в системе тотального господства: чтобы терроризировать население в целом или мобилизовать его

номии политической сферы (а значит, автономии ее действий, в том числе по отношению к евреям). Другие исследователи, в частности Рейнхард Кюньль (Reinhard Kühnl), объясняют нацистский антисемитизм при помощи синтеза марксистской теории и психоанализа, и т. д. Хороший обзор некоторых таких концепций содержится в работах Pierre Auzoberry, *La Question Nazie. Essai sur les interprétations du National-Socialisme 1922–1975* (Paris: Éditions du Seuil, 1979), pp. 93ff, 233ff; Klaus Hildebrand, *Das Dritte Reich* (München: Oldenbourg, 1979), S. 134ff. Относительно позиции Мэсона см. его статью T. W. Mason, "The Primacy of Politics – Politics and Economics in National-Socialist Germany" // S.E. Woolf (ed.), *The Nature of Fascism* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968), p. 192. Подход Кюньля разъясняется в его работе Reinhard Kühnl, "Probleme einer Theorie über den deutschen Faschismus" // *Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte*, Bd. III (Tel Aviv, 1974), S. 322ff.

³⁴ С начала 60-х годов само понятие тоталитаризма и особенно правомочность применения этого понятия к нацистской системе подвергаются серьезной критике. См., например, Robert F. Koehl, "Feudal Aspects of National-Socialism" // *American Political Science Review*, vol. LIV (Dec. 1960), p. 921ff; Wolfgang Sauer, "National Socialism", pp. 406–407.

энергию, на роль врага может быть выбрана более или менее произвольным образом любая группа³⁵.

Второй мотив затрагивает роль бюрократии в переходе к геноциду. Бюрократическая машина – наиболее эффективный инструмент тоталитарной власти и террора. Бюрократия состоит из заурядных чиновников, чья единственная амбиция заключается в желании делать свою работу с максимальной эффективностью. Будучи приведена в действие, бюрократия легко может перейти от простейших мер по идентификации граждан к тотальному истреблению целых групп населения³⁶. Многочисленные исследования подтверждают ведущую роль немецкой бюрократии в преследованиях и истреблении евреев – например, классический труд Рауля Хилберга, эссе Ханны Арендт об Адольфе Эйхмане, работа Г.-Г. Адлера о депортации евреев из Германии, исследование Кристофера Браунинга о роли Министерства иностранных дел Германии в процессе уничтожения и сборник законов и актов нацистского режима, так или иначе связанных с евреями, составленный Йозефом Вальком³⁷.

Вместе с тем «тоталитаристская» интерпретация антиеврейской политики нацистов тоже сталкивается с серьезными проблемами, упуская из виду прежде всего центральное место, которое антиеврейская идеология занимала в мировоззрении партийных лидеров, и нефункциональный характер этого врага в нацистской системе.

Нет нужды напоминать, сколь глубоким и страстным был антисемитизм Гитлера и сколь существенную роль играла нена-

³⁵ Произвольный выбор врага, которым запугивают население, считается одной из фундаментальных характеристик тоталитарной системы. Ср. Carl Joachim Friedrich, Zbigniew Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956), p. 10.

³⁶ К этому сводится основной тезис Рауля Хилберга в его книге «Уничтожение евреев Европы» (*The Destruction of the European Jews*).

³⁷ Hilberg, *The Destruction*; Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (New York: Viking Press, 1963); H.-G. Adler, *Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland* (Tübingen: J.C.B. Mohr, 1974); Christopher R. Browning, *The Final Solution and the German Foreign Office* (New York: Holmes & Meier, 1978); Joseph Walk (Hg.), *Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat. Eine Sammlung der gesetzlichen Maßnahmen und Richtlinien – Inhalt und Bedeutung* (Heidelberg: C.F. Müller, 1981). Только на территории Рейха было издано более 2 000 распоряжений и указов, касавшихся евреев. Последний (насколько нам известно) такой указ, датированный 16 февраля 1945 года, гласит: «Когда не представляется возможным переслать документы, касающиеся антиеврейских мер, следует уничтожить их, чтобы они не попали в руки врага» (*Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat*, S. 406).

висть к евреям в его мировоззрении³⁸. Так же обстояло дело с Геббельсом и Гиммлером³⁹, да и с другими членами нацистской элиты. Карл-Дитрих Брахер, сам сторонник «тоталитаристской» интерпретации нацизма, писал: «Теория и методы массового уничтожения показали, что расистская идеология национал-социализма является самоцелью»⁴⁰. Но в таком случае интерпретация нацистских преследований евреев в рамках теории тоталитаризма весьма проблематична. Классическая теория тоталитаризма, сформулированная Ханной Арендт в начале 50-х годов, подразумевает, что идеологическая пустота возрастает от периферии к центру системы. Теория предполагает, что вождь тоталитарного режима сам не верит в провозглашаемые лозунги и лишь пользуется ими для мобилизации масс – или, в лучшем случае, рядовых членов тоталитарной партии – и контроля над ними⁴¹. Роль антисемитской идеологии в нацистской системе не соответствует этой модели. Более того, если Гитлер и другие лидеры партии придавали антисемитской идеологии такое значение, то объяснение преследований и уничтожения евреев следует искать вне связи с составными элементами тоталитарной системы. Другими словами, тоталитарный режим является средством уничтожения, но не главной его причиной.

Кроме того, центральное место и самоценность антиеврейской идеологии в нацистской системе означают, что «враг» не был функциональным элементом⁴² и не мог быть произвольно заменен какой-либо другой жертвой. Еврейский враг неизменно оставался главной целью, подлежащей уничтожению в полной секретности; священным объектом ненависти, а не инструментом для осуществления какого-либо иного замысла.

³⁸ Об определяющей значимости антисемитизма в мировоззрении Гитлера см. Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung* (Tübingen: R. Wunderlich, 1969). См. также Andreas Hillgruber, "Die 'Endlösung' und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des Nationalsozialismus" // Andreas Hillgruber, *Deutsche Großmacht und Weltpolitik im 19 und 20 Jahrhundert* (Düsseldorf: Droste, 1977), S. 252ff.

³⁹ О Гиммлере см. Josef Ackermann, *Heinrich Himmler als Ideologe* (Göttingen: Musterschmidt, 1970).

⁴⁰ Karl Dietrich Bracher, *Die deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus* (Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1970), S. 464.

⁴¹ См. Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken Books, 1958).

⁴² Мы подробнее обсудим эту проблему на с. 58 ниже.

Рассмотрев различные подходы, мы убедились, что все глобальные интерпретации нацизма сталкиваются с серьезными проблемами, пытаясь объяснить нацистский антисемитизм и нацистскую политику по отношению к евреям. В сущности, нацистский антисемитизм и политика нацистов по отношению к евреям вызывают серьезные сомнения в справедливости основных глобальных интерпретаций нацизма.

II. Нацистская политика: альтернативные подходы

Большинство историков, однако, занимаются не столько всеобъемлющими интерпретациями нацизма, сколько интерпретацией конкретных фактов (в их непосредственном контексте), принимаемых решений (в их взаимной связи) и политики (в рамках ее внутренней логики). С конца 60-х годов XX века такого рода историография национал-социализма – прежде всего в ФРГ, но и в других западных странах тоже – обычно следовала одному из двух противоположных подходов: «интенционалистскому» или «функционалистскому»⁴³.

С точки зрения интенционалистов, существует прямая связь между идеологией, составлением планов и принятием политических решений в Третьем рейхе. При этом центральная роль верховного вождя, Адольфа Гитлера, настолько очевидна, что Клаус Хильдебранд полагает, что «следует говорить не о национал-социализме, а о гитлеризме»⁴⁴.

⁴³ В ранней версии настоящей статьи я делил историков на тех, кто подчеркивает последовательность нацистской политики, и тех, кто подчеркивает ее непоследовательность: первые могут считаться интенционалистами, а вторые – функционалистами. Ср. Saul Friedländer, "De l'antisémitisme à l'extermination". Сегодня в ходу более точные определения. Хотя альтернативные концепции разрабатывались еще в 60-е годы, эти понятия впервые были употреблены в интересующем нас контексте британским историком Т.У. Мэсоном. Ср. T. W. Mason, "Intention and Explanation: A Current Controversy about the Interpretation of National-Socialism" // Gerard Hirschfeld, Lothar Kettenacker (Hg.), *Der "Führerstaat", Mythos und Realität* (Stuttgart: Klett-Cotta, 1981), S. 23–41.

⁴⁴ Цит. по статье Mason, "Intention and Explanation", p. 29 (в тексте статьи отсутствует точная ссылка на эти слова Хильдебранда). Ту же самую позицию см. в статье Klaus Hildebrand, "Monokratie oder Polykratie? Hitlers Herrschaft und das Dritte Reich" // *Der "Führerstaat"*, S. 73ff.; и см. особенно Karl Dietrich Bracher, *Zeitgeschichtliche Kontroversen um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie* (München: Piper, 1976), S. 85.

Функционалисты, с другой стороны, указывают на отсутствие неперенной связи между идеологическими убеждениями и политическими инициативами нацистов. По их мнению, принимаемые решения функционально связаны друг с другом и с определенным политическим контекстом, а роль верховного лидера в принятии решений может быть ограничена постоянным взаимодействием различных полуавтономных государственных структур (причем иногда решения лидера принимаются задним числом)⁴⁵. Таким образом, перед нами две концепции нацистской системы: в одной каждое важное решение зависит от воли Адольфа Гитлера, в другой же речь идет о более или менее анархической поликратии.

Полярность двух этих школ особенно ярко проявилась в их интерпретации нацистской политики по отношению к евреям. С точки зрения интенционалистов, существует преемственность между идеологией нацистской партии в 20-е годы и окончательным уничтожением. Так, Эрнст Нольте постоянно подчеркивает эту прямую связь в «Трех ликах фашизма», указывая, что гитлеровская идеология видела в евреях основных носителей большевизма и агентов темных сил, враждебных самой природе, и поэтому считала необходимым уничтожить их ради спасения человечества⁴⁶. В своей работе о мировоззрении (*Weltanschauung*) Гитлера Эберхард Еккель показывает, как уничтожение евреев логически вытекает из нацистской идеологии:

⁴⁵ Некоторые из этих положений уже были в той или иной форме отмечены историками независимо от систематического развития функционалистской школы в Западной Германии. Наиболее известные примеры можно найти в A.J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (London: H. Hamilton, 1961); см. также Edward N. Peterson, *The Limits of Hitler's Power* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969) или работу Хейнца Хёне о внутренней борьбе в аппарате СС: Heinz Höhne, *Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte des SS* (Gütersloh: S. Mohn, 1967). В Германии полемика на эту тему началась после выхода в свет книги Фрица Тобиаса о пожаре Рейхстага (Fritz Tobias, *Der Reichstagsbrand, Legende und Wirklichkeit* [Rastatt: Grote, 1962]) – с публикации «функционалистской» рецензии Ганса Моммзена (Hans Mommsen, "Der Reichstagsbrand und seine Folgen" // *VfZ*, Bd. 12, № 3 [1964], S. 351ff). Функционалистский подход по определению подразумевает, что нацистская система была поликратической, то есть что власть в нацистской Германии не была полностью сосредоточена в руках верховного вождя. Классическое описание нацистского режима как «поликратии» или «анархического авторитаризма» см. в книге Martin Broszat, *Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung* (München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1969).

⁴⁶ Согласно Э. Нольте, «Аушвиц был столь же естественно заложен в расистской доктрине нацистов, как плод бывает заложен в семени» (Nolte, *Three Faces of Fascism*, p. 400).

Трудно сказать, можно ли найти связь между использованием отравляющих газов во время Первой мировой войны и газовыми камерами времен Второй мировой, однако нет ни малейшего сомнения, что гитлеровский антисемитизм, — в той форме, в какой он представлен в «Майн кампф», — несет на себе отпечаток войны. Он родился в годы войны, он требовал военных методов и лишь в ходе войны мог быть реализован. Поэтому мне представляется вполне логичным, что кровавый апофеоз этого антисемитизма состоялся в годы следующей войны, которая каким-то образом была предугадана⁴⁷.

В сочинениях некоторых авторов прямая связь между исходной идеологией и конечной политикой утверждается еще более явственно. Джералд Флеминг в своей недавней работе «Гитлер и “окончательное решение”» непосредственно связывает фразы, приписанные юному Гитлеру его товарищем Августом Кубицекком, с приказами об уничтожении, отданными во время Второй мировой войны. Флеминг пишет:

Ученик реального училища в Линце Адольф Гитлер, проходя с другом своей юности Августом Кубицекком мимо маленькой синагоги на Бетлехемитрасе, сказал: «Такому не место в Линце», — и от этих слов пролегает прямой путь к заявлению, сделанному фюрером 21 октября 1941 года: «...Если мы уничтожим эту заразу, мы сделаем во имя человечества нечто такое, что наши люди сегодня просто не в силах осознать...» От антисемитизма Гитлера в его линцских формулировках в 1904–1907 годах пролегает прямой путь к первым массовым казням немецких евреев в IX форте под Каунасом 25 и 29 ноября или в 8:15 утра 30 ноября 1941 года в лесу Румбула под Ригой...⁴⁸

Даже непреклонные интенционалисты редко признают существование столь безусловной прямой связи. Но даже если ранний антисемитизм Гитлера отделен от его последующей политики по отношению к евреям многочисленными промежуточными этапами, идея Флеминга весьма полезна в одном важном аспекте. Она напоминает нам об исключительной силе гитлеровского антисемитизма, о его ранних корнях и навязчивом характере.

⁴⁷ Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981), S. 71–72.

⁴⁸ Gerald L. Fleming, *Hitler und die Endlösung: “Es ist des Führers Wunsch ...”* (Wiesbaden: Limes Verlag, 1982), S. 13–14.

Любая попытка отрицать существенное влияние, оказанное его мировоззрением на политику уничтожения, потребует не менее сложных и пространных объяснений, чем попытка представить его взгляды главной причиной случившегося.

В подтверждение своей концепции интенционалисты ссылаются на быструю смену фаз в антиеврейской политике нацистов (заметная во всех областях, она особенно бросается в глаза во внешней политике):

Национал-социалистическая программа призвала лишить евреев политических прав, и антисемитские акции являлись неотъемлемой частью ранней истории нацизма. Придя к власти, нацисты приступили к организации систематических преследований евреев. Никакие тактические соображения не могли повлиять на решения о бойкоте евреев, об их исключении из общественной жизни, о принятии специальных антиеврейских законов и наконец о физическом уничтожении⁴⁹.

Признавая преемственность между мировоззрением Гитлера и его политикой и указывая на быструю смену фаз этой политики, интенционалисты иногда полагают, что имело место и техническое планирование «окончательного решения». Скажем, программа эвтаназии, запущенная в начале войны, с их точки зрения могла представлять собой техническую подготовку. Так или иначе, убийство небольших групп людей при помощи газа неминуемо вело к использованию газа для массового уничтожения: «Метод, впоследствии использованный для массового уничтожения евреев при помощи газа, был впервые опробован в самом начале 1940 года для убийства пациентов психиатрических учреждений в рамках так называемой “Акции T4”»⁵⁰.

⁴⁹ Karl Dietrich Bracher, *Die deutsche Diktatur*, S. 252. Далее в том же сочинении (S. 399–401) Брачер излагает свой тезис о планировании и развитии политики уничтожения более подробно и убедительно. Рауль Хилберг выделяет последовательные этапы нацистской политики: определение еврейства, экспроприация, концентрация, уничтожение.

⁵⁰ Ino Arndt, Wolfgang Scheffler, “Organisierter Massenmord an Juden in nationalsozialistischen Vernichtungslagern” // *VfZ*, № 2 (1976), S. 112. В этом контексте следует отметить, что евреи – пациенты психиатрических учреждений были выделены в особую категорию и подлежали уничтожению независимо от стадии заболевания. Ср. Eugen Kogon et al. (Hg.), *Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas* (Frankfurt a/M: S. Fischer, 1983), S. 53. Значимость подобного решения не следует недооценивать. Даже если трудно согласиться, что убийства в рамках программы эвтаназии

Главный вопрос, в котором интенционалисты и функционалисты не могут прийти к согласию, – это вопрос о приказе приступить к уничтожению. Интенционалисты, веря в существование предварительного плана, полагают, что Гитлер тем или иным образом отдал такой приказ весной или в начале лета 1941 года. С точки зрения функционалистов, такой приказ мог быть отдан гораздо позже, а скорее всего, не был отдан вообще.

В качестве примера позиции интенционалистов относительно приказа Гитлера рассмотрим следующее утверждение Хельмута Краузника:

Не вызывает сомнения, что по мере того как вызревал гитлеровский план сокрушить Россию, последнего потенциального противника на европейском континенте, Гитлер все более становился одержим идеей, которой (под именем «окончательного решения») долго тешился, – уничтожить евреев на подвластных ему территориях. Скорее всего, секретный приказ о ликвидации евреев, который никогда не существовал в письменном виде, но несколько раз упоминался устно, был отдан им не позднее марта 1941 года, когда он открыто потребовал расстреливать политических комиссаров Красной армии...⁵¹

Вероятность того, что подобный приказ был действительно отдан весной 1941 года, кажется еще выше в свете некоторых дополнительных обстоятельств. Именно в это время эйнзацгруппы получили приказ об уничтожении евреев на оккупированной советской территории, а «определенное окончательное решение еврейской проблемы» было упомянуто в циркуляре Главного управления имперской безопасности, который положил конец еврейской эмиграции из Франции и Бельгии⁵². С другой сторо-

представляли собой техническую подготовку к уничтожению евреев, очевидно, что убийство небольших групп советских военнопленных в Аушвице осенью 1941 года было испытанием различных техник умерщвления газом в преддверии «окончательного решения». Об убийстве советских военнопленных с помощью газа см. Christian F. Streit, *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978), S. 397, N. 32. См. также сс. 68–69.

⁵¹ Helmut Krausnick et al., *Anatomy of the SS State* (London: Collins, 1968), p. 60.

⁵² *Ibid.*, pp. 60, 67. Недавние исследования выявили некоторые противоречия в приказах об уничтожении советских евреев, отданных командирам эйнзацгрупп: противоречия касаются и природы этих приказов, и времени и места их появления. Однако анализ этих материалов в целом по-прежнему позволяет считать, что устное распоряжение о массовом уничтожении советских евреев, вероятно, было сделано накануне операции «Барбаросса» или сразу после ее начала. См. Helmut Krausnick,

ны, этот приказ мог быть отдан в начале лета 1941 года, вскоре после нападения на Россию, когда Геринг наказывал Гейдриху подготовиться к «полному решению еврейской проблемы на всех контролируемых Германией территориях»⁵³.

Ни один историк сегодня не думает, что этот приказ был отдан в письменном виде. В устной форме он мог быть распоряжением, переданным Герингу или Гиммлеру, или, скорее, прозрачным намеком, понятным всем. Неважно: по мнению историков-интенционалистов, чтобы привести в действие «окончательное решение», сигнал такого рода должен был исходить непосредственно от Гитлера.

С точки зрения функционалистов, основные положения интенционалистского подхода сомнительны. Здесь следует прежде всего отметить общее для всех функционалистских интерпретаций убеждение в хаотичном (в значительной степени) характере нацистской системы, где важнейшие решения часто являлись результатом разнонаправленных давлений и где отсутствовали единое централизованное планирование, прогнозирование и четкие приказы сверху, которые определяли бы цели и средства определенной политики.

Функционалисты не отрицают существования антисемитской идеологии, однако полагают, что с конкретной политикой она может быть связана только косвенно. Мартин Брошат, например, видел в нацистском антисемитизме средство мобилизации, символ борьбы, а не движущую силу. Антисемитизм, по его мнению, действительно привел к «окончательному решению», но в известном смысле случайно – потому что столь часто повторяемые лозунги в конечном итоге не могли не осуществиться.

Стереотипные негативные цели с самого начала были единственным конкретным элементом, в котором нацистский «экстремизм среднего класса» мог обрести объединяющее начало и который создавал иллюзию общины действия...⁵⁴ Селекция негативных идеологических целей на этапе захвата

Hans-Heinrich Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei des SD 1938–1942* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981), S. 162, 539 и особенно 627.

⁵³ Hilberg, *The Destruction*, p. 262.

⁵⁴ Martin Broszat, "Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus" // *VfZ*, Bd. 18, № 4 (1970), S. 403.

власти и в ходе позднейшего развития Третьего рейха... одновременно означала растущую радикализацию, дальнейшее оттачивание бесчеловечности и травли и обретение ими характера официальной политики... Однако процесс дискриминации не мог длиться бесконечно, и «движение» в конце концов должно было привести к «окончательному решению»... Фразеология в конце концов поймала на слове саму себя, – и тому, что было, объективно говоря, лишь идеологическим инструментом, призывом к боевой готовности, тому, что имело смысл лишь в рамках веры в будущее, пришлось осуществиться в действительности... Тайное уничтожение евреев, с помощью которого антисемитизм как пропагандистский инструмент был доведен до своего логического конца, выражало болезненную неспособность отличить боевой вымпел от конечной цели...⁵⁵

Если в представлении Брошата идеология косвенным образом привела к «окончательному решению» из-за неспособности провести границу между мобилизующим символом и конкретной целью, то с точки зрения Ганса Моммзена связь между идеологией и политикой выглядит еще слабее:

В наши дни в исследованиях по-прежнему господствует концепция, утверждающая, что Гитлер с самого начала придавал конкретный смысл уничтожению евреев и считал его своей окончательной целью. Тщательно собранные высказывания будущего диктатора по данному вопросу не подтверждают это однозначное мнение...⁵⁶

По мнению Моммзена, высказывания Гитлера ничем не отличались от высказываний антисемитов-радикалов второй половины XIX века, а действия его на протяжении 20-х годов даже демонстрируют определенную сдержанность⁵⁷. Моммзен не отрицает, что Гитлер испытывал ненависть к евреям, но не соглашается видеть в этой ненависти единственный источник предпринимаемых им политических мер. Он полагает, что на практике «всякий раз, когда он [Гитлер] сталкивался с конкретными альтернативами, он, как правило, не пользовался экстремистскими

⁵⁵ Ibid., S. 405, 408.

⁵⁶ Hans Mommsen, "Die Realisierung des Utopischen: Die 'Endlösung der Judenfrage' im 'Dritten Reich'" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 9, № 3 (1983), S. 38

⁵⁷ Ibid.

методами, но выбирал менее радикальное решение»⁵⁸. Ниже мы еще вернемся к этим положениям. Сейчас же взвесим некоторые аспекты функционалистской интерпретации антиеврейской политики Третьего рейха.

Приведем слова Карла Шлэйнеса:

*На протяжении первых лет Третьего рейха никто в нацистском движении, включая и самого фюрера, не определил, каким может быть решение еврейской проблемы... Антисемитские основы национал-социализма лишь в самом общем плане могут объяснить характер, который в конечном итоге приняла многогранная еврейская политика режима*⁵⁹.

Уве Дитрих Адам досконально изучил антиеврейские меры 30-х годов. По его утверждению, они обрели отчетливую направленность только в 1938 году, когда осуществлением этих мер впервые занялись СС, начавшие политику принудительной эмиграции. Адам приходит к следующему выводу:

*Невозможно говорить о координированной и планомерной политике по отношению к евреям... никогда не существовало какого-либо глобального плана, определявшего природу, содержание и масштабы гонений на евреев; вполне возможно даже, что массовое уничтожение евреев не было той целью, которую Гитлер изначально ставил и которую старался осуществить*⁶⁰.

Моммзен в качестве примера полного отсутствия планомерной антиеврейской политики в 30-е годы приводит Нюрнбергские законы 1935 года. Согласно Моммзену, на партийном съезде, который открылся 10 сентября, Гитлер собирался выступить с заявлением по поводу войны в Абиссинии. Он отказался от этой идеи 13 сентября по просьбе министра иностранных дел фон Нейрата и лишь тогда, за два дня до заключительной сессии съезда, приказал спешно подготовить расовые законы⁶¹.

⁵⁸ Ibid., S. 387.

⁵⁹ Karl A. Schleunes, *The Twisted Road to Auschwitz: Nazi Policy towards the German Jews 1933–1939* (Urbana: University of Illinois Press, 1970), p. 257.

⁶⁰ Uwe Dietrich Adam, *Judenpolitik im Dritten Reich* (Düsseldorf: Droste, 1972), S. 357.

⁶¹ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 387. Ниже мы вернемся к этому примеру (и предположим, что события происходили в несколько ином порядке).

Перейдем к решающим событиям 1941 года. Здесь функционалистская интерпретация диаметрально противоположна интенционалистской. С точки зрения Адама, уничтожение евреев на оккупированной советской территории могло происходить и вне рамок глобального плана уничтожения. Лишь между сентябрем и декабрем 1941 года, под воздействием ситуации, сложившейся с началом депортации евреев Рейха в гетто на востоке и с замедлением немецкого наступления в России, Гитлер решил заменить «территориальное решение еврейской проблемы» тотальным уничтожением⁶².

Брошат согласен с общей картиной событий 1941 года, которую рисует Адам, однако он на этом не останавливается. Если Адам полагает, что в определенный момент осенью 1941 года Гитлер отдал приказ о полном уничтожении евреев Европы, то Брошат считает, что подобного приказа не существовало. С его точки зрения, «окончательное решение» было следствием серии местных инициатив, обусловленных местными же нуждами (например, критической ситуацией, сложившейся в различных гетто). Лишь постепенно разрозненные события слились в единый процесс.

Нам представляется, таким образом, что ликвидация евреев началась не только вследствие очевидного желания уничтожить их, но и как выход из того тупика, в который нацисты сами себя загнали. Однажды начатая, практика уничтожения со временем стала играть все более заметную роль и в конечном итоге превратилась во всеобъемлющую «программу».

Справедливость этой интерпретации не может быть безоговорочно подтверждена, однако в свете обстоятельств, которые мы не можем обсудить здесь в деталях, она выглядит более убедительной, чем предположение о существовании летом 1941 года секретного приказа, предписывавшего полное уничтожение евреев.

В примечании к приведенному выше отрывку Брошат добавляет: «Мне представляется, что общего приказа об уничтожении

⁶² Adam, *Judenpolitik*, S. 303–313. Адам резюмирует свою позицию по этому вопросу в статье Uwe Dietrich Adam, "Der Aspekt der 'Planung' in der NS-Judenpolitik" // Thomas Klein, Volker Losemann, Günther Mai (Hg.), *Judentum und Antisemitismus von der Antike bis zur Gegenwart* (Düsseldorf: Droste, 1984), S. 161ff.

евреев не существовало и что программа уничтожения складывалась из отдельных действий и лишь весной 1942 года, после строительства лагерей уничтожения в Польше, постепенно приобрела характер официальной политики»⁶³.

Брошат не отрицает приверженности Гитлера антиеврейской идеологии, однако, как мы видели выше, подвергает сомнению прямую связь между этой идеологией и проводившейся политикой. Моммзен изображает идеологию и динамику уничтожения еще более независимыми друг от друга. Динамику уничтожения гораздо лучше объясняет упомянутый выше процесс «кумулятивной радикализации», движимый постоянной конкуренцией между различными нацистскими ведомствами и борьбой за власть внутри системы:

...Для предотвращения попадания еврейского имущества в руки расторопных гаулейтеров и их помощников в ходе «дикой» ариизации, как это случилось после ноябрьского погрома... Геринг отдал распоряжение о государственной ариизации; государственные учреждения начали спешно готовить соответствующие законы, — чтобы удержать хотя бы частичный контроль над процессом. Невозможная ситуация, возникшая после лишения евреев социального статуса и имущества, заставила отдельных гаулейтеров прибегнуть к депортациям, не задумываясь о последствиях такого шага. Соответствующие государственные органы отчаянно сопротивлялись подобным действиям. Следствием борьбы стала, однако, не замена депортаций более приемлемыми с политической точки зрения действиями, но, наоборот, систематическое массовое убийство евреев, которое вначале никто не считал возможным. Это решение было наиболее радикальным и к тому же совпадало с желаниями Гитлера»⁶⁴.

⁶³ Martin Broszat, "Hitler und die Genesis der 'Endlösung': Aus Anlaß der Thesen von David Irving" // VfZ, Bd. 25, № 4 (1977), S. 752–753. Перевод на русский язык следует английской версии этой статьи, опубликованной в сборнике *Yad Vashem Studies* (vol. XIII [1979], p. 93). Хорошо обоснованные возражения против некоторых положений Брошата приведены в статье Браунинга: Christopher R. Browning, "Zur Genesis der Endlösung: Eine Antwort an Martin Broszat" // VfZ, Bd. 29, № 1 (1981), S. 99–109. Ниже мы рассмотрим главные аргументы Брошата и ответ на них, предложенный Браунингом. В своей недавней статье "Die Realisierung..." (S. 395) Ганс Моммзен приходит к тому же выводу, что и Брошат: приказа Гитлера об уничтожении евреев Европы не существовало.

⁶⁴ Hans Mommsen, "National-Socialism: Continuity and Change" // Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide*, p. 179. Ранее тот же самый тезис Моммзен выдвинул в своей статье "Der Nationalsozialistische Polizeistaat und die Judenverfolgung vor 1938" // VfZ, Bd. 10, № 1 [1962], S. 76; недавно он заново изложил эту позицию ("Die Realisierung...", S. 389–390).

В интерпретации Моммзена роль Гитлера в реализации антиеврейской политики и «окончательного решения» сведена к минимуму.

*Гитлер почти не занимался конкретным осуществлением антисемитской программы; его периодическое вмешательство не свидетельствовало о его приверженности какой-либо практической концепции в этой сфере и сводилось обычно к ужесточению репрессий. Пропагандистский аспект он, как всегда, ставил превыше всего...*⁶⁵

Даже состоявшуюся в январе 1942 года Ваннзейскую конференцию, на которой, как принято считать, были разработаны главные оперативные директивы массового уничтожения европейского еврейства, Моммзен не относит безоговорочно к процессу планирования «окончательного решения»⁶⁶.

III. Некоторые замечания

Соблазнительно попытаться достичь синтеза интенционалистской и функционалистской позиций⁶⁷. Функционализм подчеркивает не столько решающее влияние лидера, сколько внутрисистемную динамику и во многом лучше согласуется с господствующими в современной историографии тенденциями⁶⁸. Он

⁶⁵ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 390. Автор считает, что в январе 1939 года заявления Гитлера об уничтожении евреев Европы в случае начала войны оставались сугубо риторическими. Даже в дискуссиях Гитлера с румынским маршалом Антонеску и с венгерским регентом Хорти в апреле 1943 года, в которых прямо упоминается ликвидация евреев, он видит почти исключительно риторику (S. 390, 393).

⁶⁶ Mommsen, "Die Realisierung...", S. 412. В личном письме к автору настоящей статьи Ганс Моммзен доказывал, что Гейдрих намеренно культивировал подобную расплывчатость, чтобы оставить участников совещания в сомнениях относительно плана и таким образом свести к минимуму возможную оппозицию. Я полагаю, что никакой неясности не было там и в помине, что участники конференции отлично понимали, о чем идет речь, и что процесс уничтожения был достаточно ясен всем, кого это касалось и кто мог бы захотеть или посметь выразить протест. Более того, даже осознание небольшой части общей картины могло бы вызвать протест; сотни тысяч людей знали о тех или иных элементах процесса уничтожения – и все же никто не выступил против... См. также прим. 113.

⁶⁷ Я использовал этот подход в своей статье "De l'antisémitisme à l'extermination" (р. 148); в этом моя позиция близка к концепции Краузника и Вильгельма (Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 634).

⁶⁸ Обсуждение различий между социально-структурной историографией и более традиционной «нарративной» выходит за рамки настоящей дискуссии. Различия

предлагает более «нормальный», легче поддающийся объяснению образ нацизма: любая группа способна шаг за шагом, неосознанно прийти до совершения самых ужасных преступлений. Функционализм не только развивает социологические теории поликратии и административного хаоса, но и неявным образом возвращает нас к тезису Ханны Арендт о «банальности зла». Функционалисты утверждают, и вполне справедливо, что их концепция предполагает гораздо более широкую ответственность за совершенные преступления, чем концепция их оппонентов, которые видят в Гитлере главную движущую силу и верховный авторитет⁶⁹. С другой стороны, интенционалистская позиция настаивает на существовании ключевого элемента: предумышленности. Планирование и предумышленность на самом верху непременно ведут к планированию и предумышленности на различных уровнях иерархии; поэтому нет сомнений, что действующие лица вполне осознавали происходящее – осознавали не менее ясно, чем это предполагает функционалистская интерпретация.

В сфере конкретных исторических исследований функционализм, вне всякого сомнения, во многом помог нам понять хаотическую природу нацистской системы и сложной игры, в ходе которой принимались в этой системе различные решения. Однако, как уже неоднократно указывалось, пытаясь исправить изъяны прошлых – может быть, чрезмерно упрощенных – интерпрета-

между этими подходами подробно рассмотрены в работе Т.У. Мэсона (ср. Mason, "Intention and Explanation"), а также, например, в статье Вольфганга Ю. Моммзена (Wolfgang J. Mommsen, "Gegenwärtige Tendenzen in der Geschichtsschreibung der Bundesrepublik" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. XXX, № 2 [1981], S. 161ff). На практике, однако, эта дихотомия обманчива, так как интенционалистская позиция может быть встроена в концептуальные рамки «политической религии»; при этом требуется гораздо более тонкий и сложный структурный анализ, чем может предложить распространенный социально-структурный подход. См. также сс. 75-76 ниже.

⁶⁹ Этот же аргумент использует Дэвид Ирвинг. Подобно функционалистам, он тоже говорит о «слабом диктаторе» и в целом пользуется (и злоупотребляет) важнейшими положениями функционалистской концепции для подтверждения своей собственной идеи о невмешательстве Гитлера в «окончательное решение». «Мой анализ этой спорной темы [уничтожения евреев. – Ш.Ф.] выдвигает на первый план два общих положения. Во-первых, в военное время диктаторы страдают фундаментальной слабостью: диктатор, сколь бы бдителен он ни был, не способен контролировать работу всех своих исполнителей, действующих на просторах огромной империи. Во-вторых, в данном случае бремя вины за кровавую и бессмысленную бойню евреев лежит на огромном числе немцев, многие из которых сегодня еще живы, а не только на "сумасшедшем диктаторе", приказам которого все беспрекословно повиновались», – см. David Irving, *Hitler's War* (London: Hodder & Stoughton, 1977), p. XIII.

ций, функционалисты ударились в противоположную крайность. Подчеркивая автономный характер процессов, они едва ли не полностью игнорируют роль Гитлера в случившемся⁷⁰. Некоторые утверждения функционалистов подкреплены неоспоримым доводом: ведь даже в самой монолитной системе на принятие решений влияют различные внешние и внутренние факторы, ведь осуществление любой политики всегда сопровождается первоначальными неудачами, колебаниями, корректировкой тактики и т. д. Это становится совершенно очевидным, если признать, что нацистскому режиму отнюдь не была свойственна монолитная внутренняя структура. Более того, как показал Ганс-Генрих Вильгельм, приказы фюрера исполнялись не без колебаний, да и сам Гитлер, хотя и придерживался выбранного курса, продолжал вполне открыто рассуждать о возможных альтернативных способах достижения поставленной цели⁷¹. Потому и возникает иллюзия импровизации и непреднамеренности, на представлении о которых зиждется функционалистский подход.

И все же более традиционный взгляд интенционалистов выглядит и более убедительным, по крайней мере взгляд на антиеврейскую политику режима и «окончательное решение». В вопросах, владевших умом Гитлера и составлявших ядро его системы (завоевание «жизненного пространства» и всеобъемлющая борьба с еврейством), личное вмешательство фюрера ощущалось на решающих этапах, и провозглашенная им политика в конечном итоге, несмотря на все колебания и препятствия, проводилась в жизнь.

В ограниченных рамках настоящего историографического обзора не представляется возможным детально обсудить различные аргументы, к которым прибегают обе стороны. Поэтому я позволю себе лишь несколько замечаний относительно некоторых указанных выше моментов. Я затрону здесь личность Гитлера и роль его мировоззрения, ряд аспектов антиеврейской политики нацистов в 30-х годах и, наконец, ход событий 1941 года и прямое участие Гитлера в осуществлении «окончательного решения».

Обсуждая антисемитизм Гитлера и его роль в антиеврейской политике нацистского режима, многие из упомянутых нами исто-

⁷⁰ Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 623.

⁷¹ *Ibid.*, S. 630.

риков пытались, прямо или косвенно, представить публике психологический портрет диктатора⁷². Никто из них не отрицает фанатического антисемитизма Гитлера, а многие подчеркивают его патологический аспект. Мартин Брошат занимает видное место среди тех, кто уделяет особое внимание патологической ненависти Гитлера к евреям и подчеркивает: чем яснее Гитлер чувствовал, что военный конфликт проигран, тем яростнее он сражался на том поле, где вел свою «настоящую» войну⁷³. Существует очевидное противоречие между признанием навязчивого характера гитлеровского антисемитизма, с одной стороны, и главным тезисом Брошата относительно генезиса «окончательного решения» и отсутствия приказа Гитлера – с другой. Почему бы человек, одержимый патологической ненавистью к евреям, избегал приказа об их тотальном уничтожении? Как мог он передать своим подчиненным контроль над своей, по словам Брошата, главной навязчивой идеей?

Ганс Моммзен старается избежать этой логической ловушки. Он не отрицает фанатичного антисемитизма Гитлера, – он рисует достаточно сложную психологическую картину. Отметим лишь ее основные моменты. Прежде всего (это относится в основном к ранним работам Моммзена), Гитлер не всегда навязывал свою волю другим людям и в этом смысле был скорее «слабым диктатором»⁷⁴. В недавней статье Моммзена «Осуществление утопической идеи» слабость Гитлера представлена иначе. В ряде сфер Гитлер не избегал принятия решений; напротив, мы видим, что он часто, по выражению Моммзена, «забегал вперед»⁷⁵. Это, однако, не относится к еврейскому вопросу, в котором, по какой-то таинственной причине, Гитлер постоянно формулировал свою позицию в хилиастических терминах⁷⁶ и не спешил сопоставлять мир своих идеологических фантазий с политической и социальной действительностью (*Hitler... scheute davon zurück, die ideologi-*

⁷² См., например, Broszat, "Soziale Motivation...", S. 401–402; и Hans Mommsen, "Die Realisierung...", S. 388–398.

⁷³ Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 770ff.

⁷⁴ Hans Mommsen, "Nationalsozialismus" // *Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie*, Bd. IV (Freiburg: Herder, 1971).

⁷⁵ Hans Mommsen, "Die Realisierung...", S. 389.

⁷⁶ *Ibid.*, S. 397.

sche Scheinwelt, in der er lebte, mit der politischen und sozialen Realität zu konfrontieren). Невмешательство Гитлера в принятие решений, касавшихся уничтожения евреев, Моммзен объясняет так:

Сталкиваясь с реальными последствиями уничтожения евреев, Гитлер реагировал на них так же, как его подчиненные: он тоже старался не замечать их или вытеснять из своего сознания (Konfrontiert mit den realen Konsequenzen der Judenvernichtung, reagierte Hitler nicht anders als seine Unterführer – er suchte diese nicht wahrzunehmen oder zu verdrängen)⁷⁷.

Как мы уже говорили, процесс уничтожения подталкивали внутренняя динамика системы и фанатичное желание Гиммлера немедленно воплотить апокалиптические мечтания Гитлера в жизнь⁷⁸. При такой интерпретации фанатик-мечтатель остается фанатиком, но, будучи мечтателем, едва ли участвует в принятии практических решений. Подобное объяснение не слишком убедительно, поскольку оно игнорирует известные факты, свидетельствующие о личной вовлеченности Гитлера в осуществление «окончательного решения». Ниже мы еще вернемся к этому; однако возникает вопрос, почему, например, Гитлер требовал, чтобы ему регулярно сообщали об операциях эйнзацгрупп на советской территории⁷⁹, или почему 21 декабря 1942 года Гиммлер послал ему «Отчет (*Vollzugsmeldung*) № 51»? В этом отчете говорилось о деятельности эйнзацгрупп на советской территории в августе – ноябре 1942 года и упоминалась ликвидация 363 211 евреев (согласно записке адъютанта Гитлера Пфайффера, отчет был представлен фюреру 31 декабря 1942 года)⁸⁰. И как тогда объяснить прямые приказы Гитлера об уничтожении оставшихся в живых евреев в районе Ровно на Украине в 1942 году?⁸¹ И наконец, если Гитлер остерегался сопоставлять мир своих идеологи-

⁷⁷ Ibid., S. 397–398.

⁷⁸ Ibid., S. 399.

⁷⁹ Ср. приказ, направленный 1 августа 1941 года шефом гестапо Генрихом Мюллером начальникам четырех эйнзацгрупп: «Следует посылать фюреру регулярные отчеты о деятельности эйнзацгрупп на востоке» (Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 58).

⁸⁰ Ibid., S. 14. (Отчет был посвящен «борьбе с бандами» [*Bandenbekämpfung*], то есть с партизанскими отрядами. – Прим. ред.)

⁸¹ Ibid., S. 141.

ческих фантазий с действительностью и вытеснял информацию об уничтожении евреев из своего сознания или игнорировал ее по каким-либо психологическим причинам, то почему в своей последней политической декларации – в завещании, написанном накануне самоубийства, 29 апреля 1945 года, – он называл уничтожение евреев величайшей услугой, оказанной человечеству национал-социализмом?⁸² Словом, несоответствие между абсолютной беспощадностью Гитлера, развязавшего войну, готового убивать психически больных, приказывавшего вести войну на уничтожение в России и т. д., и его предполагаемым страхом посмотреть правде в глаза в вопросе уничтожения евреев подрывает убедительность этой теории.

Если мы перейдем от личности Гитлера к роли, которую сыграл в развитии событий его антисемитизм, – Брошат называет эту роль инструментальной и мобилизующей⁸³, – то и здесь мы столкнемся с трудностями такого же плана. Почему этот одержимый фанатик-антисемит не жаждал во что бы то ни стало воплотить в жизнь свои антиеврейские идеи? Почему приверженность этим идеям не вела к конкретной цели и к конкретной политике? Но помимо этого неизбежного вопроса, возникает и другой: кого должен был мобилизовывать антисемитизм Гитлера? Население Германии в целом? Членов партии?

О населении в целом нам сегодня известно, что, хотя антиеврейские предрассудки были широко распространены и хотя антиеврейская политика режима не встречала серьезного отпора даже в кругу немецкой оппозиции⁸⁴, эта политика не вызывала и всеобщего энтузиазма. С точки зрения нацистов, реакция общества на антисемитские инициативы в лучшем случае могла считаться смешанной. Исследования, проведенные в этой области Отто-Довом Кулькой, выявили значительные региональные различия, но позволили увидеть и некоторые общие черты. Прежде всего, немцев отвращали беспорядочные антиеврейские выступления – они предпочитали упорядоченные, «законные» меры (Нюрнбергские законы). Наиболее характерной их реакцией были растущие

⁸² См. Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe (Stuttgart, 1981), S. 78.

⁸³ Ср. с. 50-51 выше.

⁸⁴ См. прежде всего Christof Dipper, "Der deutsche Widerstand und die Juden" // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 9, № 3 (1983), S. 349ff.

отстраненность от происходящего, пассивность и инерция⁸⁵. Работа Иана Кершоу, посвященная в основном Баварии, показывает относительную сдержанность местного населения.

На основании изученных нами свидетельств трудно утверждать, что постоянная радикализация антиеврейской политики была реакцией на требования общественного мнения или отвечала желаниям публики. В 1935 и 1938 годах она привела к уменьшению престижа партии и, возможно, могла бы отразиться даже на почитании Гитлера, если бы в нем видели сторонника радикалов. Радикализация негативной динамики, которая служила движущей силой нацистской партии, находила очень слабый отклик в массах. Общественное мнение, в основном безразличное и пронизанное латентными антиеврейскими чувствами, усиленными пропагандой, создавало атмосферу, в которой растущая нацистская агрессивность по отношению к евреям не вызывала протеста. Однако оно не являлось причиной этой радикализации⁸⁶.

Какими бы нюансами ни отличалась реакция общественного мнения, нацистская партия, хорошо информированная – благодаря полиции и СД – о настроениях в стране, вскоре должна была понять, что антисемитизм не только не помогает мобилизовать население, но может скорее оттолкнуть. Таким образом, остается вопрос о мобилизующем эффекте антисемитизма внутри самой партии.

Весной 1933 года, весной и летом 1935 и в ноябре 1938 антиеврейские меры позволили дать выход эмоциям партийных радикалов; сегодня этот факт подтвержден многими источниками⁸⁷.

⁸⁵ Ср. Otto-Dov Kulka, "Deat ha-kahal' be-Germania ha-nazional-sozialistit u-'veayat ha-yehudim': Mekorot u-veayoteihem" // *Ziyon*, № 3–4, 40 (1975), pp. 186–290 и сокращенную версию на англ. яз. в *The Jerusalem Quarterly*, № 25/26 (Fall/Winter 1982), p. 121ff. См. также Kulka, "Die Nürnberger Rassengesetze und die deutsche Bevölkerung" // *VfZ*, Bd. 33, № 1 (1985).

⁸⁶ Ian Kershaw, "The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich" // *Leo Baeck Institute Yearbook*, vol. XXVI (1981), p. 288. Среди более ранних исследований, которые анализируют отношение немецкого общественного мнения к антиеврейской политике или каким-то образом затрагивают этот вопрос, следует отметить Marlis Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen: Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg* (Düsseldorf: Econ, 1970); L. D. Stokes, "The German People and the Destruction of the European Jews" // *Journal of Central European History*, vol. VI (1973). См. также критический обзор Кульки и Родрига в *Yad Vashem Studies*, vol. XVI (1984).

⁸⁷ См., например, Dietrich Orlow, *The History of the Nazi Party*, vol. II: 1933–1945 (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1973), pp. 33, 163–165, 247.

Однако была ли подобная «отдушина» намеренно создана руководством и поощрялись ли эти всплески насилия Гитлером? Документы, похоже, свидетельствуют об обратном: в 1933 году, в связи с изгнанием евреев из государственного и муниципального аппарата, а главное, из юридической профессии, Гитлер возражал против требований экстремистов и поддерживал более сдержанное предложение Министерства юстиции⁸⁸. Нюрнбергские законы были приняты в 1935 году, в частности, чтобы умиротворить радикалов⁸⁹. В своей речи перед руководителями окружных партийных организаций в Орденсбург-Фогельзанге 29 апреля 1937 года Гитлер предупредил радикалов, что в еврейском вопросе им не следует требовать от него действий, которые не были тщательно спланированы заранее⁹⁰.

В ноябре 1938 года, после того как стали очевидны катастрофические последствия «Хрустальной ночи», Гитлер решительным образом отобрал «еврейские дела» у партийных радикалов и передал их триумvirату Геринга–Гимmlера–Гейдриха⁹¹. Эти люди тоже были, вне всякого сомнения, истинными радикалами, однако они не нуждались в антисемитизме, чтобы обрести «отдушину», и в антиеврейских инициативах, чтобы «мобилизоваться»⁹².

Антиеврейская политика нацистов в 30-х годах действительно свидетельствует об отсутствии какого-либо четкого предварительного плана и о достаточно аморфной стратегии, обусловленной внутренними и внешними трудностями. Общая цель, однако, вполне ясна: сегрегация евреев внутри немецкого общества

⁸⁸ Ср. Adam, *Judenpolitik*, S. 65–66.

⁸⁹ Orlow, *The History of the Nazi Party*, pp. 164–165.

⁹⁰ Полный текст этой чрезвычайно важной речи см. в Hildegard von Kotze, Helmut Krausnick, *Es spricht der Führer. Sieben exemplarische Hitler-Reden* (Gütersloh: S. Mohn, 1966), особенно S. 147–148.

⁹¹ Schleunes, *The Twisted Road*, pp. 245–246.

⁹² Анализ малоизученной проблемы «уничтожения жизни, не имеющей ценности» (так называемой эвтаназии), показывает еще более наглядно, что расовые – или биологические – идеи Гитлера не были по своей природе ни инструментальными, ни мобилизующими, а также демонстрирует прямое, не связанное с риторикой влияние этих идей на политику. Гитлер затронул эту проблему в своих ранних писаниях и объявил эвтаназию достойной целью в своем публичном выступлении в Нюрнберге в 1929 году. Через несколько дней после начала войны он отдал секретный приказ о тайном проведении эвтаназии. Об этой проблеме см. Klaus Dörner, "Nationalsozialismus und Lebensvernichtung" // *VfZ*, Bd. 15, № 2 (April 1967), S. 121ff (о Нюрнбергской речи см. S. 131).

и их изгнание (посредством добровольной или принудительной эмиграции) с территории Германии. Пункты принятой в феврале 1920 года партийной программы, касавшиеся еврейского вопроса, были, в сущности, реализованы. Идеология обретала воплощение в конкретных мерах; не было и речи об отступлении от какого-либо из ее положений. Поскольку речь здесь идет о целях и политике, интересен вопрос о прямом участии Гитлера⁹³. Чтобы сделать вывод о его участии, потребуется посвятить 30-м годам такое же исследование, какое Джералд Флеминг посвятил военному периоду и «окончательному решению». Поскольку такого исследования сегодня не существует (хотя выходили важные общие работы об антиеврейской политике нацистов в указанный период), мы ограничимся лишь несколькими замечаниями.

26 марта 1933 года Гитлер вызвал Геббельса в Берхтесгаден, чтобы обсудить с ним приготовления к экономическому бойкоту евреев, назначенному на 1 апреля. Два дня спустя он вновь побеседовал со своим министром пропаганды о предстоящем событии, указав темы, которые следует использовать в первой крупной антиеврейской акции нового режима⁹⁴. Мы уже отметили общую позицию Гитлера в этом вопросе при обсуждении закона «О восстановлении профессиональной гражданской службы» и закона о юристах; согласно Уве Адаму, Гитлер, по-видимому, принял участие в дискуссии, состоявшейся 31 марта или 1 апреля 1933 года⁹⁵. Его отказ поддержать требования радикалов, настаивавших на изгнании евреев из юридической системы государства, подтвержден документально⁹⁶. Можно проследить, как на протяжении 1933 года Гитлер контролировал темпы осуществления антиеврейской политики: он принял идею бойкота, выдвинутую радикалами, но из-за международной политической

⁹³ Его участие минимизируется как в выводе Шлёйнеса, так и в различных работах Ганса Моммзена, в особенности в статье "Die Realisierung..." (S. 387). С другой стороны, Уве Адам, подчеркивая хаотический характер нацистской политики в «еврейском вопросе», указывает, что «в конечном итоге рейхсканцлер в одиночку принимал решения о политике по отношению к евреям» (*als letzte Instanz allein der Reichskanzler den Gang der Judenpolitik bestimmte*), – см. Adam, *Judenpolitik*, S. 196.

⁹⁴ Ibid., S. 61.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ср. с. 62 выше.

ситуации отклонил другие предложенные ими меры экстремистского характера.

Нюрнбергские законы занимают особое место в дискуссии о личном участии Гитлера в осуществлении антиеврейской политики в 30-е годы. Выше мы познакомились с мнением Моммзена, которое вкратце прозвучало уже в сообщении Бернгарда Лёзенера: законы были разработаны в самый последний момент, поскольку за два дня до заключительного заседания партийного съезда решено было не затрагивать те вопросы, которые Гитлер собирался поднять в своем выступлении⁹⁷. Впрочем, более тщательное изучение источников показывает, что расовые законы разрабатывались на протяжении нескольких месяцев и обсуждались на министерском уровне и лично с Гитлером. 30 августа 1935 года об их предстоящем обнародовании на сентябрьском съезде партии даже сообщалось в иностранной прессе⁹⁸.

Говоря о внимании Гитлера к мельчайшим деталям антиеврейской политики, следует вспомнить, как 15 сентября 1935 года, в последние минуты перед провозглашением закона «О защите немецкой крови и немецкой чести» в Рейхстаге он вычеркнул из текста слова «этот закон распространяется только на чистокровных евреев»⁹⁹. Не забудем и о том, как во время аншлюса Гитлер лично запретил австрийским государственным служащим еврейского происхождения приносить новую присягу – присягу на верность фюреру¹⁰⁰. Наконец, можно предположить, что после объявления о смерти фом Рата 9 ноября 1938 года состоялась беседа между Гитлером и Геббельсом, предшествовавшая началу погрома. Однако наиболее показательна была, несомненно,

⁹⁷ См. с. 52 выше.

⁹⁸ Kulka, "Die Nürnberger Rassengesetze...", п. 128; см. примеч. 86 выше. Нам известно, что несколько вариантов подобного законодательства обсуждались на различных партийных и министерских встречах после прихода нацистов к власти, особенно в конце 1934 года и позже (ср. Lothar Gruchmann, "'Blutschutzgesetz' und Justiz. Zur Entstehung und Auswirkung des Nürnberger Gesetzes vom 15 September 1935" // VfZ, Bd. 31, № 3 [1983], S. 418ff). В своей статье Грухман не останавливается подробно на министерских дискуссиях, происходивших в августе 1935 года. Повторный анализ Кульки показал, что идея о спонтанности этого законодательства впервые фигурирует в сообщении Бернгарда Лёзенера (Bernhard Lösener, "Als Rassereferent im Reichsministerium des Innern" // VfZ, Bd. 9, № 3 [1961]), которое, видимо, не столь достоверно, как полагали ранее.

⁹⁹ Lösener, "Als Rassereferent...", S. 274.

¹⁰⁰ Adam, *Judenpolitik*, S. 195.

эволюция антиеврейской политики в решающий период, в годы войны.

Как мы уже говорили, главной целью политики 1933–1939 годов были, похоже, сегрегация и изгнание евреев. С началом войны наступила некоторая пауза – кардинально изменившиеся обстоятельства требовали новых решений¹⁰¹. Эти колебания прекратились в 1941 году, и историк, изучая события этого года, сталкивается с наиболее серьезными вопросами.

Мартин Брошат подчеркивает, что ни один из главных помощников Гитлера не смог вспомнить в ходе послевоенных допросов словесного приказа о поголовном уничтожении евреев. Более того, Геббельс в своих неопубликованных дневниках летом и осенью 1941 года часто в связи с еврейской проблемой говорит о депортациях в лагеря на территории России, однако ни разу ни словом не упоминает приказ об уничтожении. Наконец, рассуждая о документальных свидетельствах, Брошат среди прочего останавливается на разногласиях между Гиммлером и бригадефюрером СС Юбельхёрром, отвечавшим за гетто в Лодзи. В начале октября 1941 года Юбельхёрр категорически возражал против депортации евреев Рейха в Лодзь, объясняя это перенаселенностью гетто. Такие споры не имели бы никакого смысла, если бы к тому времени уже было принято решение об уничтожении¹⁰².

¹⁰¹ В 1938–1941 годах можно выделить четыре аспекта нацистской политики: 1) угрозы уничтожения, которые Гитлер начал высказывать в конце 1938 года в беседах с иностранными государственными деятелями и в публичных речах (например, 30 января 1939 года), а после разгрома Польши – в разговорах со своими ближайшими помощниками; 2) сочетание депортаций с принуждением к эмиграции – в известной мере так можно рассматривать Мадагаскарский проект, депортацию евреев из Саарпфальца и Бадена в неоккупированную зону Франции и т. д.; 3) политика концентрации в Генерал-губернаторстве, включая план «Ниско», – об участии Гитлера в проекте «Ниско» см. запись Альфреда Розенберга в его дневнике от 9 сентября 1939 года (*Politisches Tagebuch* [München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1964], S. 99); 4) различные ограниченного масштаба акции уничтожения, направленные против евреев и не только, в том числе операции эйнзацгрупп в Польше и программа эвтаназии. Более того, этот период выглядит еще более сложным, если учесть, что в какой-то момент Гитлер решил предоставить своим гаулейтерам возможность действовать по собственному усмотрению, обеспечивая исчезновение евреев. Это желание четко сформулировано в письме Бормана Ламмерсу от 20 ноября 1940 года: по словам Бормана, фюрер ожидает, что гаулейтеры позаботятся о превращении своих областей в чисто немецкие территории в течение нескольких лет, – и в случае успеха гаулейтеров не спросят, какие методы они использовали. Ср. Krausnick, Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, S. 626. Как отмечается в тексте, этот вполне ожидаемый период колебаний завершился накануне нападения на Советский Союз (или немедленно после нападения).

¹⁰² Подробнее об этих спорах см. Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 746ff.

Ответ на эти соображения предлагает Кристофер Браунинг. Он напоминает, что главные архитекторы «окончательного решения» – Гиммлер и Гейдрих – не могли быть допрошены после войны, а сражавшийся за свою жизнь Геринг вряд ли согласился бы признать, что участвовал в выполнении приказа о повсеместном уничтожении евреев. Дневники Геббельса можно считать источником как минимум сомнительным, поскольку известно, что с ноября 1938 года Геринг, Гиммлер и Гейдрих оттеснили Геббельса от «еврейского вопроса». С другой стороны, Брошат не упоминает целый ряд свидетельств о подготовке «окончательного решения» летом и осенью 1941 года. Так, например, и бывший комендант Аушвица Рудольф Гесс, и Адольф Эйхман вспоминали после войны, что в эти месяцы разрабатывались общие планы уничтожения. Обращение же, которому, согласно Брошату, должны были подвергнуться депортируемые на восток евреи (смерть от голода, непосильной работы, холода и т. д.), мало отличалось от уничтожения. Наконец, приказ, отданный Герингом Гейдриху 31 июля 1941 года, свидетельствует о широкомасштабных приготовлениях, которые естественным образом влекли за собой изучение различных возможностей, колебания и внезапные инициативы. Кажущийся хаос этих нескольких месяцев подготовки Брошат понимает как признак полного отсутствия планирования¹⁰³. Рассмотрим теперь последовательность событий.

Вплоть до осени 1941 года систематическому уничтожению подвергались только евреи Советского Союза. Адам и Брошат не считают эту кампанию массовых убийств непосредственно связанной с «окончательным решением», хотя, как указывает Браунинг, ликвидация евреев на советской территории представляла собой явную качественную перемену в нацистской политике по отношению к евреям. Более того, осенью 1941 года состоялись первые депортации евреев с территории Рейха, главным образом в Лодзь, Каунас, Минск и Ригу. Некоторые из депортированных в Ригу и Лодзь были убиты немедленно по прибытии – в окрестностях Риги и в центре уничтожения Хелмно (Кульмхоф) около Лодзи (жертвами этих убийств оказались и местные евреи). Можно считать эти события этапами общего плана, поскольку

¹⁰³ Browning, "Zur Genesis der Endlösung", S. 98ff.

процесс уничтожения затрагивал евреев, доставленных из Германии к местам убийств. Однако, как мы уже отмечали, Брошат полагает, что эти акции были продиктованы ситуацией на местах (депортация из Рейха увеличивала перенаселенность гетто, а в связи с замедлением продвижения вермахта вглубь России отправить евреев дальше на восток было невозможно). Он также добавляет, что хаотический характер депортации, обусловленный внезапным решением Гитлера как можно быстрее очистить Рейх от евреев, не позволял систематически планировать процесс уничтожения.

На самом деле, однако, рижская ликвидация не была местной импровизацией. 10 ноября 1941 года Гинрих Лозе, рейхскомиссар «Остланда», в состав которого входили балтийские страны, получил (через генерала СС Фридриха Еккельна) сообщение от Гимmlера, предписывавшее ему провести ликвидацию в соответствии с приказом Гимmlера и желаниями фюрера («Скажите этому Лозе, что это мой приказ, а значит, и желание фюрера» — «*Sagen Sie dem Lohse es ist mein Befehl, was auch Führers Wunsch ist*»¹⁰⁴). Таким образом, нет сомнения, что речь здесь шла не о местной инициативе, а о решении, исходившем от Гитлера.

Сложнее обстоит дело со свидетельствами, касающимися начала уничтожения евреев в Хелмно. Брошат напоминает нам, что местные офицеры СС и РСХА (Главного управления имперской безопасности), пытаясь разрешить проблему перенаселенности гетто Лодзи, обсуждали ликвидацию части евреев гетто в июле 1941 года, когда еще не могло существовать никакого общего плана «окончательного решения»¹⁰⁵. Не оказалось ли уничтожение евреев в конце 1941 года следствием такого же рода соображений, возникших на относительно низких уровнях власти?

Согласно Джералду Флемингу, в марте 1944 года гаулейтер Вартеланда Грейзер (в ведении которого находились Лодзь и Хелмно) с гордостью доложил фюреру о ликвидации (в основном в Хелмно) практически всех евреев Вартеланда. 21 ноября 1942 года Грейзер сообщил Гимmlеру, что в ходе своей встречи с

¹⁰⁴ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 88.

¹⁰⁵ Broszat, "Hitler und die Genesis der Endlösung", S. 749n. Протесты Юбельхёра против продолжения депортаций из Рейха в Лодзь согласуются с этими аргументами.

Гитлером получил инструкции действовать в отношении евреев «по своему усмотрению». Перед этим Грейзер дважды встречался с Гитлером: 1 октября и 8 ноября 1942 года¹⁰⁶.

Отчет, посланный Грейзером Гитлеру в 1944 году, ясно свидетельствует, что он отлично понял сказанное фюрером в октябре или ноябре 1942 года. С другой стороны, как мы знаем, Грейзер приказал начать акции уничтожения в Хелмно за год до своих встреч с Гитлером. Если бы он получил такой же приказ, какой осенью 1941 года получил Лозе, то слова Гитлера годом позже были бы лишены всякого смысла. Здесь возможны два объяснения, и значение их выходит за рамки конкретного случая. Может быть, Грейзер или Юбельхёр в Лодзи просто не были проинформированы о наличии общего плана на столь раннем этапе; а может быть – и это объяснило бы колебания Гейдриха относительно судьбы испанских евреев во Франции в октябре того же года¹⁰⁷ (Моммзен ссылается на неуверенность Гейдриха, чтобы усомниться в реальности приказа о тотальном уничтожении евреев¹⁰⁸), – как и в последующие годы, несмотря на существование общего плана уничтожения, многообразие конкретных ситуаций вело к принятию противоречивых половинчатых решений.

Перейдем от частных случаев к общему контексту – и картина произошедшего станет гораздо более отчетливой. Во второй половине 1941 года эйнзацгруппы уничтожили на территории Советского Союза около 1 000 000 евреев; 11 000 евреев без подданства,

¹⁰⁶ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 34–35. Вероятно, уничтожение евреев Вартегау при помощи газа было впервые упомянуто в сообщении, которое 16 июля 1941 года отправил Эйхману штурмбаннфюрер СС Рольф-Хейнц Хёппнер, служивший в штабе главного начальника СС и полиции в Вартегау. Можно предположить, что Эйхман обсудил этот вопрос с Гейдрихом, однако мы не знаем, участвовал ли Гитлер в дискуссии на этом этапе и дал ли он свое согласие. Как мы уже говорили, «команда Ланге», с декабря взявшая на себя осуществление ликвидаций, прибыла из Берлина. О сообщении Хейнца Хёппнера Эйхману см. *Nationalsozialistische Massentötungen...*, S. 110–111.

¹⁰⁷ После того как Берлину стало известно о плане испанского правительства переселить испанских евреев в Марокко, 13 октября 1941 года помощник статс-секретаря Лютер предложил Гейдриху включить в эту программу испанских евреев, проживающих во Франции. Гейдрих сперва одобрил эту идею, однако спустя несколько дней пересмотрел свое решение и отказал Лютеру, опасаясь, что испанские евреи окажутся недостижимы для Германии и после войны не будут охвачены операцией по «окончательному решению еврейского вопроса». – *Прим. ред.*

¹⁰⁸ Hans Mommsen, “Die Realisierung...”, S. 411.

высланных из Венгрии, были убиты в Каменце-Подольском в конце августа 1941 года; в ноябре массовые убийства депортированных из Рейха евреев начались в Риге, а в декабре был пущен в ход первый центр уничтожения – в Хелмно, возле Лодзи. Еврейская эмиграция из оккупированной Европы была полностью запрещена приказом от 23 октября 1941 года. Тогда же начались работы по строительству лагеря уничтожения в Белжеце в Генерал-губернаторстве. Известно также, что в начале осени того же года в Аушвице состоялись первые опыты по применению отравляющего газа «Циклон Б», – тогда этот метод уничтожения использовался в основном для убийства пленных советских офицеров.

Едва ли все эти события случайно совпали; не приходится сомневаться, что осенью 1941 года общий план уничтожения евреев Европы существовал: очевидно, фаза поиска завершилась, почва для «окончательного решения» была подготовлена.

Именно в этом контексте, если не сами по себе, становятся очевидны намерения организаторов Ваннзейской конференции, на которой 20 января 1942 года Гейдрих изложил собравшимся представителям различных министерств и ведомств СС схему «окончательного решения». Создание лагерей уничтожения в Генерал-губернаторстве в последующие месяцы устраняет любые сомнения по поводу того, о чем в действительности говорили на конференции¹⁰⁹.

Более того, прямые свидетельства подтверждают выводы, под-
сказанные логикой. В ходе процесса в Иерусалиме председатель

¹⁰⁹ Ганс Моммзен предложил следующую интерпретацию Ваннзейской конференции. Упомянув замечание о «серьезных мерах [против евреев. – Ш.Ф.] в Рейхе, которые предстоит обсудить», сделанное Гансом Франком 16 декабря 1941 года, Моммзен пишет: «Это имеет отношение к последовавшей “Ваннзейской конференции”, которую принято связывать с начавшимся немедленно после этого европейским геноцидом, хотя “инициативы” (*Aktionen*), упомянутые Гейдрихом в связи с депортациями евреев на восток, были представлены полумерами (*Ausweichmöglichkeiten*), необходимыми для обретения практического опыта “в свете предстоящего окончательного решения еврейского вопроса”. Ликвидация неспособных к работе евреев обсуждалась открыто. Фикция принудительного труда (*Arbeitseinsatz*) психологически связывала эмиграцию, создание резерваций и сам Холокост. В то же время была выставлена на обсуждение химера территориального “окончательного решения”, которое теперь должно было осуществиться за Уральскими горами. С другой стороны, формулировка, касающаяся “некоторых подготовительных действий, связанных с окончательным решением”, которые предполагалось предпринять “на соответствующих территориях”, то есть в Генерал-губернаторстве, означала немедленное частичное уничтожение...» (Hans Mommsen, “Die Realisierung...”, S. 412).

суда спросил Эйхмана, который участвовал в конференции и отвечал за организационные вопросы, каков был общий смысл состоявшейся дискуссии. Подсудимый ответил: «Речь шла об убийствах, ликвидации, уничтожении» (*Es wurde von Töten und Eliminieren und Vernichten gesprochen*)¹¹⁰.

Если мы признаем, что цель Ваннзейской конференции была именно такова, и если мы вспомним, что в своем вступительном слове Гейдрих говорил не только о приказе, полученном от Геринга, но и о согласии Гитлера на депортацию евреев на восток, то исчезнут последние сомнения: план уничтожения получил одобрение фюрера. Трудно предположить, что Гейдрих представил бы высокопоставленным чиновникам план уничтожения евреев, если сам Гитлер имел в виду всего лишь депортацию.

Вначале конференция была назначена на 9 декабря 1941 года; позднее ее перенесли на 20 января 1942 года. Напрашивается предположение, что описанная Гейдрихом схема прорабатывалась в течение нескольких месяцев и что свое «согласие» Гитлер дал не позднее лета 1941 года. «Согласие», равно как и «желание» Гитлера, означало приказ, и никакой необходимости в формальных распоряжениях не было. Наконец, протоколы допросов Рудольфа Гесса после его ареста британскими властями показывают: упоминая в своих мемуарах услышанный летом 1941 года приказ о тотальном уничтожении евреев, он не ошибается в дате (как было принято считать ранее). Вероятно, в июне 1941 года он встретился с Гиммлером и от него узнал, что Гитлер отдал приказ подготовить план тотального уничтожения евреев¹¹¹.

Показания Гесса согласуются с материалом, собранным Джералдом Флемингом, и с многочисленными упоминаниями приказа Гитлера, которые мы находим в самых разных источниках. Когда в августе 1941 года Отто Брандфиш, командир эйнзацкоманды-8, действовавшей в районе Минска, спросил Гиммлера,

¹¹⁰ Процесс Эйхмана, заседание 107, 24 июля 1961 года; цитируется по книге Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 105. Особо тщательный анализ роли Ваннзейской конференции см. в статье Wolfgang Scheffler, "Zur Entstehungsgeschichte der 'Endlösung'" // *Aus Politik und Zeitgeschichte: Beilage zur Wochenzeitung 'Das Parlament'*, B 43/82 (Okt. 1982), S. 8ff.

¹¹¹ Yehuda Bauer, "Auschwitz and the 'Final Solution'", лекция, прочитанная на Международной конференции по истории уничтожения евреев Европы (Штутгарт, 3–5.5.1984).

кто несет ответственность за казни, Гиммлер ответил ему, что «приказ исходит от Гитлера, а значит, имеет силу закона»¹¹². Годом позже, когда генерал СС Готлоб Бергер, выступая от имени Министерства по делам восточных территорий, предложил точнее определить термин «еврей», Гиммлер категорически отверг идею дальнейших уточнений, опасаясь ограничения своих полномочий, и добавил:

*Оккупированные восточные территории будут освобождены от евреев (judenfrei). Фюрер возложил на меня выполнение этого исключительно трудного приказа. Никто не может снять с меня эту ответственность, и я не допущу никакого вмешательства*¹¹³.

На протяжении первой половины 1944 года Гиммлер упоминал в своих речах об этом исключительно трудном приказе фюрера, связанном с «окончательным решением», не менее четырех раз (26 января, 5 мая, 24 мая и 21 июня), трижды – выступая перед большой аудиторией старших офицеров вермахта¹¹⁴. Согласно свидетельству судьи СС Конрада Моргена, когда специальные отряды Кристиана Вирта были направлены в Генерал-губернаторство для оказания Глобочнику помощи в уничтожении евреев, «Гиммлер, по-видимому, попросил всех членов отрядов дать клятву молчания и сказал им: “Я ожидаю от вас сверхчеловеческих актов бесчеловечности, но такова воля фюрера”»¹¹⁵.

В конце декабря 1941 года советник по еврейским делам при Министерстве внутренних дел Бернгард Лёзенер проинформировал статс-секретаря министерства Вильгельма Штуккарта, что не может более оставаться на своем посту, так как до него дошли сведения об уничтожении евреев под Ригой. Штуккарт ответил ему: «Разве вы не знаете, что это делается по высочайшему приказу?»¹¹⁶ В мае 1942 года Рейнгард Гейдрих, начальник Главного

¹¹² Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 62.

¹¹³ Krausnick et al., *Anatomy of the SS State*, p. 69.

¹¹⁴ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 65–67. Как и Гейдрих на Ваннзейской конференции, Гиммлер никак не посмел бы сослаться на несуществующий приказ фюрера, особенно перед такой аудиторией.

¹¹⁵ Krausnick et al., *Anatomy of the SS State*, p. 97.

¹¹⁶ Lösener, “Als Rassereferent...”, S. 311.

управления имперской безопасности и свеженазначенный протектор Богемии и Моравии, встретился в Праге с несколькими офицерами абвера. В ходе исключительно бурной дискуссии об уничтожении евреев Гейдрих сказал, что Главное управление имперской безопасности не несет ответственности за убийства: все совершается по личному распоряжению фюрера¹¹⁷.

Мы уже упоминали приказ, который глава гестапо Генрих Мюллер направил руководителям четырех эйнзацгрупп: «Следует посылать фюреру регулярные отчеты о работе эйнзацгрупп на востоке» (*Dem Führer sollen von hier aus lfd. Berichte über die Arbeit der Einsatzgruppen im Osten vorgelegt werden*)¹¹⁸. Мы также отмечали, что в ноябре 1942 года Гиммлер послал Гитлеру «Отчет № 51» – об операциях эйнзацгрупп на советской территории в августе – ноябре 1942 года. В нем говорится, что «363 211 евреев были казнены» (отчет был передан Гитлеру 31 декабря, согласно записке его адъютанта Пфайффера)¹¹⁹. В том же месяце Гиммлер отметил: «Пункт 3... евреи... должны быть ликвидированы, евреи во Франции, 600 000 – 700 000 человек, должны быть ликвидированы» (*Juden... abschaffen, Juden in Frankreich, 600-700,000, abschaffen*)¹²⁰.

Гиммлер, вероятно, получил более подробные сведения в конце декабря, когда главный инспектор статистического бюро рейхсфюрера СС Рихард Коргерр подготовил для него полный и точный отчет о ходе реализации «окончательного решения». В апреле 1943 года для Гитлера был подготовлен отчет на шести с половиной страницах, охватывавший период до 31 марта 1943 года. Напечатанный на специальной «пишущей машинке фюрера» (с увеличенным шрифтом), этот отчет был передан ему в первой половине апреля¹²¹. Согласно показаниям Эйхмана, отчет был возвращен в Главное управление имперской безопасности с пометкой: «Фюрер прочел. Уничтожить. Г.Г. [то есть Генрих Гиммлер]»¹²².

¹¹⁷ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 77.

¹¹⁸ *Ibid.*, S. 58.

¹¹⁹ *Ibid.*

¹²⁰ Ackermann, *Himmler als Ideologe*, S. 166. Слово *Abschaffen* добавлено красными чернилами. Это означает, что Гитлер принял соответствующее решение в ходе встречи с Гиммлером.

¹²¹ Тексты докладов Коргерра и связанную с ними переписку см. в Serge Klarsfeld (ed.), *The Holocaust and the Neo-Nazi Mythomania* (New York: B. Klarsfeld Foundation, 1978).

¹²² Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 149–152.

Здесь необходимо отметить странные противоречия в попытках нацистов замаскировать «окончательное решение». Рихарда Коргерра попросили вычеркнуть из текста отчета слово *Sonderbehandlung* («особое обращение»). Личный секретарь Гиммлера Рудольф Брандт писал Коргерру:

Он [Гиммлер] хочет, чтобы нигде не говорилось об «особом обращении с евреями» (daß an keiner Stelle von “Sonderbehandlung der Juden” gesprochen wird). На девятой странице, в четвертом пункте, формулировка, таким образом, должна быть следующей: «Транспортиция евреев из восточных областей на русский восток: они пропускаются через лагеря в Генерал-губернаторстве... через лагерь в Вартегау» (Transportierung von Juden aus den Ostprovinzen nach dem russischen Osten: Es wurden durchgeschleust durch die Lager im Generalgouvernement... durch die Lager im Warthegau). Никакая другая формулировка не допускается. Я возвращаю Вам копию отчета, помеченного рейхсфюрером СС, с требованием изменить текст на девятой странице в соответствии с замечанием. Затем отчет должен быть отослан снова¹²³.

Непоследовательность этих попыток маскировки вызывает удивление. С одной стороны, из отчета, посланного Гитлеру, было удалено слово *Sonderbehandlung*; с другой стороны, Гиммлер несколько раз ссылаясь на приказы Гитлера о тотальном уничтожении евреев. Более того: в документе, посланном Гитлеру лично, не разрешалось упоминать «окончательное решение», однако в речах перед большими аудиториями (состоявшими не только из офицеров СС, но и из кадровых офицеров вермахта) Гиммлер открыто говорил о приказах Гитлера.

Возможно, в случае отчета Коргерра объяснение следует искать в позднейшем (отданном 11 июля 1943 года) указании начальника партийной канцелярии Мартина Бормана о том, что, «по согласованию с фюрером, ни в коем случае не следует упоминать “окончательное решение” в каких-либо документах, связанных с еврейским вопросом; следует говорить только о направлении евреев на работы»¹²⁴.

Тем не менее непоследовательность сохраняется. На протяжении 1942 года Гитлер не менее чем в четырех речах (1 января,

¹²³ Ср. *The Holocaust and the Neo-Nazi Mythomania*.

¹²⁴ *Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat*, S. 400.

30 января, 24 февраля и 8 ноября) намекнул на то, что его пророчество об уничтожении евреев в случае начала мировой войны уже выполняется¹²⁵. В апреле 1943 года он, можно считать, признал факт уничтожения евреев в ходе переговоров с главой румынского государства Антонеску и венгерским регентом адмиралом Хорти¹²⁶. В одной из своих последних бесед, 13 февраля, и в политическом завещании, написанном накануне смерти, Гитлер откровенно гордился этим.

Наконец, косвенные свидетельства подтверждают, что Гитлер внимательно следил за процессом уничтожения. Одило Глобочник, главный начальник СС и полиции, заведовавший в 1942 году лагерями уничтожения на территории Генерал-губернаторства, осенью того же года посетил рейхсканцелярию. В записке Гимmlера о совещании, которое состоялось 7 октября 1942 года и в котором участвовал Гитлер, сказано: «Ситуация в Генерал-губернаторстве. Глобус [кличка Глобочника]»¹²⁷. Тема совещания таким образом становится ясна.

13 апреля 1943 года в Главное управление кадров СС поступило предложение о присвоении Кристиану Вирту (подручному Глобочника, специалисту по умерщвлению газом вначале психически больных, а затем евреев) звания штурмбаннфюрера СС. В его личном деле указывалось, что с начала войны Вирт выполнял «особую миссию по приказу фюрера»¹²⁸.

¹²⁵ Соответствующие отрывки из этих речей см. в Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, 2te Ausgabe, S. 74–75. Постоянное возвращение к этой теме на протяжении 1942 года само по себе свидетельствует о желании Гитлера сообщить своим слушателям, что переломная точка наступила и уничтожение, о котором он пророчествовал, началось.

¹²⁶ В ходе второй беседы с Хорти, 17 апреля 1943 года, на вопрос регента о том, как следует поступить с евреями, первым ответил Риббентроп. Согласно министру иностранных дел, евреев следует или уничтожить, или заключить в концентрационные лагеря. Затем Гитлер предельно ясно объяснил свою политику: «Евреи являются паразитами. В Польше эту проблему решали самым систематическим образом. Если евреи там не хотели работать, их расстреливали. Если они не могли работать, им приходилось умереть (*Wenn die Juden dort nicht arbeiten wollten, wurden sie erschossen. Wenn sie nicht arbeiten könnten, müssten sie verkommen*). Необходимо было обращаться с ними как с туберкулезными бактериями, способными заразить здоровый организм. Это не было жестокостью, если учесть, что даже невинные существа вроде оленей приходится убивать, чтобы они не навредили. Почему мы должны поступать мягче с этим зверьем, которое принесло нам большевизм?». Ср. Andreas Hillgruber, *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler*, Teil 2 (Frankfurt a/M: Bernard & Graefe, 1970), S. 256ff.

¹²⁷ Fleming, *Hitler und die Endlösung*, S. 70.

¹²⁸ Ibid., S. 37.

Предположение Дэвида Ирвинга о том, что Гитлер ничего не знал об «окончательном решении» до 1943 года¹²⁹, противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам. В высшей степени вероятно, что в какой-то момент весной или летом 1941 года Гитлер отдал приказ о полной ликвидации евреев Европы, – однако это не может быть доказано с абсолютной точностью на основании известных нам документов. Вместе с тем, как мы видели, он был в курсе процесса уничтожения и время от времени вмешивался в него.

Если ограничиться анализом нацистской политики, можно разрешить противоречия между различными подходами. Если же предпринять попытку всеобъемлющей исторической интерпретации, то обнаружатся истинные трудности. Историк, не связанный исторической или концептуальной предубежденностью, неизбежно согласится с тем, что именно нацистский антисемитизм и антиеврейская политика Третьего рейха в значительной мере определили особый характер нацизма. Выше мы уже отмечали, что объяснение, в основе которого лежит специфика истории Германии, оставляет открытым целый ряд вопросов и что в силу определяющей роли гитлеровского антисемитизма понятия «фашизм» и «тоталитаризм» не могут быть адекватными категориями интерпретации. Взгляд на нацизм как на политическую религию может помочь нам лучше понять некоторые поднятые в этой статье вопросы, особенно если исследования в этом направлении будут развиваться и углубляться¹³⁰.

«Окончательное решение» не укладывается в рамки глобальных интерпретаций нацизма, и эта проблема заставила некоторых историков занять парадоксальную позицию: с одной стороны, они подчеркивают ведущую роль расистского мировоззрения Гитлера внутри нацистской системы; с другой стороны, они интерпретируют основные проблемы нацизма, отрешившись от

¹²⁹ Irving, *Hitler's War* (London, 1977).

¹³⁰ James M. Rhodes, *The Hitler Movement: A Modern Millenarian Revolution* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1980), Chs. 2, 8; Uriel Tal, *Political Faith in Nazi Ideology and Policy Prior to the Holocaust* (Annual Lecture of the Jacob M. and Shoshana Schreiber Chair for Contemporary Jewish History, Tel Aviv University, 1978); idem, "On Structures of Political Theology and Myth in Germany Prior to the Holocaust" // Yehuda Bauer, Nathan Rotenstreich (eds.), *The Holocaust as Historical Experience* (New York: Holmes & Meier, 1981), pp. 43–74; idem, "Nazism as a Political Faith" // *The Jerusalem Quarterly*, Jerusalem, № 15 (1980), pp. 70–90.

нацистской политики по отношению к евреям¹³¹. Все это может навести нас на мысль, что уничтожение европейского еврейства представляет собой проблему, которая не поддается пониманию и перед которой бессилён исторический анализ.

Мы можем говорить только об уникальном событии: возникновении мессианской веры и апокалиптического видения истории в самом сердце политической, бюрократической и технологической систем развитого индустриального общества. Однако и тогда складывается не вполне достоверная картина: уничтожение евреев не было следствием ни массового движения, ни крестового похода фанатичной секты. В центре событий находилась индифферентная к истреблению евреев бюрократия – однако ведомая лидером, который руководствовался своими глубочайшими убеждениями.

Паралич, охватывающий историка перед лицом этой проблемы, связан с одновременным взаимодействием весьма разнородных факторов: мессианского фанатизма и бюрократических структур, патологических побуждений и административных инструкций, архаических установок и развитого индустриального общества.

Нам известны детали случившегося, мы представляем себе последовательность событий и их возможную взаимосвязь, однако глубинная динамика явления ускользает от нас. Кроме того, не поддается осознанию почти мгновенный распад политических, институциональных и юридических структур Германии и беспомощность общественных сил, которые по самой своей природе должны были служить препятствием на пути нацистов – в Германии, в других европейских странах и во всем западном мире.

*Впервые опубликовано по-английски и на иврите как "From Anti-Semitism to Extermination: A Historiographical Study of Nazi Policies toward the Jews and an Essay in Interpretation," in *Yad Vashem Studies*, vol. 16 (1984), pp. 1-50.
Перевод с английского Бенциона Дымерского.*

¹³¹ Интересный пример этого парадоксального подхода содержится в книге Андреаса Хильгрубера «Достаточно, наконец, о национал-социализме и Второй мировой войне?» (Hillgruber, *Endlich genug...*), где автор всячески подчеркивает центральную роль гитлеровской расовой догмы («все подчинялось расовой догме, как внутренняя политика, так и иностранные дела» [S. 52]). Вместе с тем при анализе ключевых для понимания нацизма явлений антиеврейская политика и «окончательное решение» не упоминаются.